

Татьяна
Корсакова

ЛУННЫЕ ДРАКОНЫ

ЛЮБОВНЫЙ АМУЛЕТ

Любовный амулет

Татьяна Корсакова

Лунные драконы

«Автор»

2010

Корсакова Т. В.

Лунные драконы / Т. В. Корсакова — «Автор»,
2010 — (Любовный амулет)

ISBN 978-5-699-41412-3

В давние-давние времена талантливый мастер выковал для своей возлюбленной дивный серебряный браслет с драконами, украсив его лунным камнем, упавшим с неба. Этот амулет спас девушку от смерти, зато отнял жизнь у самого творца. Прошли века, и молодой талантливый врач Сергей ищет способ помочь той женщине, что оставила неизгладимый след в его прошлом, перевернув всю его жизнь. Помогут ли ей лунные драконы, тем более что Сергей еще не разобрался в своих чувствах к ней и не знает, что победит: любовь или презрение, замешанное на обиде.

ISBN 978-5-699-41412-3

© Корсакова Т. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	39
-----------------------------------	----

Татьяна Корсакова

Лунные драконы

Ночь выдалась черной-черной, точно грива любимого княжского жеребца. И даже луна, большая и круглая, с лоснящимися как масленичный блин боками, не могла рассеять эту черноту. В такую б ночь спать на свежем, терпко пахнущем сене, а не таращиться в небо. Да куда ж ему, Горазду, уснуть, когда там, в княжских палатах, умирает от неведомой хвори Ясенька, а ключница Малуша, старая и совсем сивая, каждый день молит Бога, чтобы побыстрее прибрал к себе бедную княжну, чтоб не мучилась юная хозяйка муками адовыми, не кричала от нестерпимой боли.

И князь от горя лютый стал, давеча заморского лекаря зарубил, потому как не помогли Ясеньке лекаревы травы. И зелья ведьмы с Гнилого болота не помогли, и снадобья, княжским послом из Орды привезенные. Умирала Ясенька, вот Горазду и не спалось...

Они росли вместе: любимая княжья дочка Ясна и Горазд, единственный сын лучшего на всю округу златокузнеца. С малых лет рядом: в княжских палатах, на скотном дворе, в лесу, на заливных лугах да на речке. Ясенька всегда здоровьем слабая была: маленькая, тонкая, что та осинка, неловкая. Сколько раз падала, ушибалась. Может, если бы не Горазд, так и вовсе насмерть зашиблась бы. Да только он завсегда рядом был – оберегал хозяйку. И князь его за то привечал, видел, как кузнецов сын о Ясеньке печется.

Горазд и не заметил, когда это случилось. Просто однажды любовался, как Ясенька с подружками на лугу хороводы водит, а сердце как кольнет чем-то острым, точно ишлом. Не жить ему без княжской дочки, ох, не жить. И без нее не жить, и с ней не жить... Она ж княжна, а он кто? Княжий холоп! Негоже холопу о такой-то горлице грезить, не про его она честь. Значит, надо псом сторожевым у ее ноженек да у светлицы, тенью незримой, чтоб никто, особенно князь, не догадался. Оберегать...

Уберег. Сам в ордынский полон угодил, но Ясеньку ненаглядную спас...

Ясенька удумала к Гнилому болоту пойти за ягодами. Уж больно там клюква знатная водилась. Князь, знамо дело, не позволял, да ведь Ясенька – она ж только с виду тоненькая да слабенькая, а нутро у нее – что твой булат. Коль что удумала, так непременно сделает, даже отцова гнева не убоится. Вот Горазд следом и увязался, чтобы присмотреть. Батшке сбрежал, что с мужиками на сенокос, а сам за Ясенькой на Гнилое болото.

Много они тогда ягод собрали – полное лукошко. В лукошко – это Горазд складывал, а Ясенька все большие цветочками любовалась да букашек всяких разглядывала. А еще вопросы задавала смешные. Почему луна круглая, да как это так она с небес на землю не падает? Ей бы хотелось, чтобы упала: не вся луна, Господь упаси, но хоть маленький кусочек чтоб от нее откололся. Горазд спросил, зачем княжне луна, а она улыбнулась так странно, сказала, что красиво. Не понял он тогда, что в луне красивого-то. Солнце вот многим пригожее и полезнее, но с Ясенькой спорить не стал. Да он бы, будь его на то воля и умение, луну собственными руками с неба отодрал и ей в горнищу принес, чтобы светила вместо лучины.

...Конников Горазд первым услышал. Не услышал даже, а звериным чутьем почувал. Они с Ясенькой лесом от Гнилого болота возвращались, когда все вокруг притаилось-замерло. Ох, худо это – времена лихие, люда недоброго развелось – тьма, да и ордынцы, сучье племя, повадились набеги учинять. Вон весной Якимову слободу дотла выжгли, людей неповинных порубили, а кого не порубили, так, сказывают, в полон увели. Схорониться бы.

Не ошибся Горазд. Так и есть – ордынцы! Много их, перстов не хватит, чтобы пересчитать. Предупредить бы князя, что беда идет...

Ясеньку он под упавшим деревом спрятал, а для надежности сверху еще старыми ветками забросал. Велел сидеть и носу не казать, пока он за ней сам не воротится. Хоть бы послушалась княжна, хоть бы усидела на месте...

Пешему конников обогнать – тяжкая задача, только ноги у Горазда сильные, да и дорогу короткую он знает. Все одно, как ни старался, а поспел только стражу упредить да за кувалду схватиться. Нечисть ордынская уже тут как тут. Налетели со всех сторон, точно воронье.

Ох, лютая сеча была! Крови пролилось столько, что и дождь не нужен. На глазах у Горазда почитай вся княжеская дружина полегла, а князю копье в бок воткнули. Дома пожгли-пограбили, баб, стариков да детей малых, из тех, кто спрятаться не успел, поубивали, а девок помоложе да покрасивше в полон забрали. Горазда тоже забрали...

Он бы ни за что живым не дался, лучше б рядом с батей своим да князем на родной земле костями лег, да не вышло. Их много было – тех, кто спереди напал, только успевай кувалдой махать, недосуг оборачиваться. Вот и не углядел, как сзади тать узкоглазый подкрался. Вспыхнуло что-то в голове ярко-ярко, и мысль последняя промелькнула – хорошо ли Ясеньку схоронил...

В ханском рабстве оказалось худо, потому как норовистый был Горазд, непокорный. Уже давно б в земле гнил, если б не золотые его руки. Руками этими он много чудных вещей делать умел. Поклон бате-покойнику – научил. Сам хан Горазда привечал. Цапки диковинные, которые Горазд из золота да серебра для любимой ханской жены ковал, да оплечья, самоцветами изукрашенные, да шелома легкие и крепкие, да много еще чего... Вот за это хан непокорного раба и терпел. Терпеть-то терпел, да нагайкой охаживать не забывал, чтобы знал пес кусачий, чья рука его кормит. Откусил бы Горазд эту руку, да не подобраться к хану, охранники кругом. Ничего, Горазд ждать умел. Придет и его час, вырвется из ворожьего плена, вернется домой – к Ясенке.

Шесть зим прошло и семь весен, пока его час настал. До хана Горазд не добрался, но вот любимого ханского баскака голыми руками придушил и еще много ордынцев положил, перед тем как в степь уйти. Не зря ждал, не зря надеялся. Помог Господь...

Долго Горазд до дому добирался. И чем ближе, тем тяжелее на сердце становилось. Как же там Ясенька одна все эти годы? Матушки, батюшки нет. Братьев нет, не нажил князь сынов-то. Кто ж ее оберегает? Кто о ней, сиротке, печется?..

Но не помер князь – вот чудо-то! После той сечи с ордынцами хром стал, из-за бока разодранного в седле держится криво, но жив! Город, почитай, заново отстроил, замок укрепил. И на землях княжих покой и благодать, никто не лютует, не озорует. А все оттого, что у князя нынче ярлык ханский имеется и на землях его ордынцы – гости желанные. Вот как оно все обернулось-то...

Ну да кузнец князю не судья. Да что ему князь! Ему бы с Ясенкой свидеться, потому как невтерпех уж больше.

От ключницы Малуши да от девок дворовых узнал Горазд, что одолела княжну хворь злая и небывалая, такая, что никто излечить не может. Не поверил. Ночью, как совсем стемнело и стражники князевы вместо того, чтобы замок охранять, браги напились и спать повалялись, взобрался на дерево, что под Ясенкиным оконцем росло, заглянул в горницу.

Лучше б не заглядывал... Света от уцербной луны аккурат хватило, чтобы княжну разглядеть и пожалеть, что из плена ордынского живым вернулся. Ничего-то от прежней Ясенки не осталось. Была птичка-невеличка, звонкоголосая, синеглазая, а оборотилась мышью летучей с крылами перебитыми, глазами мертвыми. А потом Ясенька заплакала, тихо-тихо, что дите малое. Горазд, чтобы не закричать от злости да бессилия, руку себе до крови прокусил. Не помогло. Ни о чем он теперь думать не мог – только о том, как княжне помочь.

Думал-думал, да не придумывалось ничего, голова от мыслей этих тяжких гудела, точно наковальня, руки дрожали так, что одну и ту же работу приходилось по два раза переделывать. И плач Ясенкин так в ушах и стоял, терзал душу, спать не позволял. Вот и лежал Горазд на сене, таращился в черноту, думал...

...Звезда сорвалась с неба, когда Горазд уже собрался в кузню воротиться. Яркая-яркая, с синим отсветом и хвостом дымно-белым. Сорвалась и полетела аккурат к Горазду, ухнула в чан с водой, и вода сразу зашипела, паром пошла.

Подходить к чану было боязно – а ну как и в самом деле звезда! Или вот от луны кусочек... не видно ж на небе ни единой звездочки, черным все черно – только луна, Ясенкина любимица...

Горазд все с духом собирался, когда дубовый, крепко-накрепко железными ободами скрепленный чан раскололся, точно лесной орех, распался на две половинки. Вода выплеснулась на землю, и туда же, под ноги Горазду, выкатилось небесное диво. Тут уж он не забоялся, как только диво увидал, про все свои думы тяжкие враз позабыл.

Как есть лунный обломок! Небольшой, с голубиное яйцо, еще горячий, серый с синими всполохами внутри – не то камень небывалый, не то металл невиданный, так сразу и не разберешь. Пригожий. Ух, какой пригожий! Аж глазам больно смотреть на такое-то диво. И руки дрожат чисто от лихоманки, того и гляди – упадет кусочек луны на землю, затеряется в высокой траве. Ищи потом...

Диво Горазд за пазуху спрятал, для надежности. Животу сразу стало горячо и щекотно, и спать захотелось так, что аж невозможно...

...Сон ему пригрезился небывалый: яркий, как весеннее утро, звонкий, как Ясенки голосок. Драконов, тварей огнедышащих и крылатых, коих Горазд на иноземных картинках видел, да коими ханские доспехи украшал, было двое. Один поболее: грозный, с хвостом змеиным да башкой шипастой. Второй поменее: ласковый, с чешуей блестящей, как у карпов в княжьем пруду, с крылами, покойно сложенными, и очами закрытыми. И держали те драконы в лапах то, что Горазд давеча за пазухой спрятал, – кусочек луны. Один оберегал, другой ублаживал, нашептывал что-то тихое, человечьему уху непонятное. Да только вот Горазд все равно понял: и про драконов, и про жизнь свою, и про то, как Ясенку уберечь...

Для лунных драконов, Ясенкиных заступников, Горазд выбрал серебро. Работал денно и ночью, из кузни выходил, только чтобы воздуху свежего глотнуть, спать вообще перестал, все прислушивался, что ему нарождающиеся драконы нашептывают. Делал все так, как во сне увидал, да как камень велел, и драконы мало-помалу оживали, набирались силы.

Когда Горазд браслет выковал да лунный камень драконам в лапы вложил, Ясенка уже, почитай, и не живая была. Малуша сказывала, что княжна более не плачет и очей не открывает. Скоро, видать, преставится...

Ночь выдалась злою: с ветром и зарницами на все небо. Да только Горазду не до зарниц было. Не опоздать бы...

Ясенка не спала. Сбrehала Малуша, что княжна ничего не видит, не слышит. Смотрела Ясенка прямо Горазду в душу, улыбалась ласково, молвить что-то силилась.

...Драконы обняли тонкую Ясенкину ручку, замурлыкали, а камень засветился весь, пошел синими сполохами. От сполохов тех в горнице светло стало, как днем, а у Горазда из глаз слезы покатились. Ничего в его жизни краше этого браслета не было, никого дороже умирающей княжны. Упал он на колени, прижался челом к холодной Ясенкиной руке, сам сделался точно неживой. А может, и вправду неживой. Рвалась душенька вон из тела, перетекало что-то неведомое от кузнеца к княжне, холодило утробу. А ручка Ясенкина все теплее делалась...

...Ну и пусть в горнице Ясенкиной он более не один! Пусть старый князь гневается, хмурит седые брови да рвет из рук испуганного стражника секиру. Пусть секира взлетает

высоко-высоко. Пусть падает вниз... Не нужна больше княжне его, Горазда, защита, у нее отныне другие заступники: сильные, крылатые, огнедышащие, самой лунной на страже назначенные. А что кровь его на камень упала... так это хорошо. Напьется камень и драконов напоит, чтоб сильнее стали, чтобы служили новой хозяйке верой и правдой. А ему пора, вон по той лесенке, прямо вверх. И как это он доселе не замечал, что у лунной лесенки перильца из серебра кованные. Знать, любы Боженьке кузнечных дел мастера...

* * *

Дежурство выдалось так себе. Бывали дежурства и получше. Обычно их клиника острыми случаями не занималась, только отдаленными и не слишком отдаленными последствиями этих самых острых случаев. Но сегодня пришлось пойти против правил. С утра позвонил профессор Ильинский и не терпящим возражений голосом попросил об исключении. Племянник известного депутата попал в переделку: по пьяной лавочке сбил мужика, сам врезался в фонарный столб. В результате пострадавший отделался ушибами и легким испугом, а мальчишке не повезло, перелом позвоночника – это вам не шутки. Сергею Полянскому, дежурившему в ту ночь, пришлось попотеть. А затем были трудовые будни: ни присесть, ни прикорнуть. А потом – шесть вечера, как-то рановато спать.

Сергей кое-как дотянул до девяти. Принял душ, плотно поужинал, влез в домашние тапки, прилег на диван перед телевизором.

Сон сморил, стоило только утратить бдительность, подкрался, одурманил, утащил в клочковатый мутно-серый туман. Туман был неправильный – говорливый и какой-то очень уж подвижный. Сергей прислушался к едва различимому многоголосому шепоту, напрягся от легкого прикосновения к щеке чьих-то невидимых пальцев, вздрогнул под чьим-то пристальным взглядом. Что за черт?..

– ...Пришел. – Туман больше не был таким уж мутным, теперь в его прорехах Сергей мог разглядеть уходящую вверх лестницу и женский силуэт, нечеткий, точно карандашный набросок. – Хорошо, что ты пришел. – Набросок ожил, шагнул навстречу.

Женщина. Седые волосы, красивое, без признаков возраста лицо, шаль на узких плечах и синие-синие глаза – два ярких пятна в этом скучном туманно-сером мире.

– Пришел, – он всматривался в лицо незнакомки, силился вспомнить. – А что?

– И она скоро придет, – женщина поежилась, укуталась в шаль. – А я не хочу.

– Кто – она? – Из-за тумана и шепота у него никак не получалось сосредоточиться и вспомнить.

– Тебя позовут, – незнакомка нетерпеливо взмахнула рукой. – Очень скоро. И если ты откажешься, она придет ко мне, и тогда все будет напрасно. Понимаешь?

Он не понимал. Никогда раньше ему не снились такие вот чудные сны.

– Помоги ей. – Туман снова начал сгущаться, и теперь Сергей мог только слышать. – Не оставляй.

– Помогу, – пообещал он. Во сне можно давать любые обещания, это же понарошку.

– Поможешь... – Щеки коснулось что-то легкое, едва ощутимое, точно паутинка. – Спасибо...

...Мобильник зазвонил громко, так, что заломило в висках. Сбрасывая ошметки тумана, Сергей рывком сел, потряс головой, приходя в себя.

– Слушаю! – рявкнул в трубку, не открывая глаз.

– Серый! Ты где сейчас? – слышался в телефоне усталый голос Игоря, бывшего однокурсника и соседа по общежитию.

Вместе с Игорем в студенческие годы они съели не один пуд соли, выпили не один литр водки, написали не один километр шпор и соблазнили не один десяток девиц. Они даже спе-

циализацию выбрали одну и ту же – неврологию. А вот дальше их пути разошлись. Сергея еще во время клинической ординатуры заметил профессор Ильинский, светило, нейрохирург с мировым именем. Сергей до сих пор не мог понять, что нашел в нем, провинциальном мальчишке с наполеоновскими планами, этот зубр от медицины. Были студенты и поумнее, и поперспективнее, с солидной поддержкой и мощным финансовым обеспечением. Ну, те, которые уже на первом курсе медицинского знали, кем и где будут работать после института. У Сергея не было «волосатой руки», не было красного диплома, зато наличествовало неумное любопытство и сложный характер. Где ж это видано, чтобы сопляк, только-только вышедший за порог alma mater, смел ставить под сомнение диагноз самого профессора Ильинского?! Сумасшествие и самоубийство! Крест на карьере! Примерно то же самое говорил Сергею и друг Игорь: «Серый, одумайся! Не тяни тигра за усы! Ильинский тебя за инакомыслие по стенке размажет!»

А Ильинский не размазал. И даже наоборот – взял в свою команду, трудоустроил, решил вопрос с московской пропиской и, что самое важное, признал Сергея своим учеником и приемником. И Сергей учителя не подвел. На плановые операции к нему записывались в очередь, и оперировал он как бог: легко, виртуозно, едва ли не лучше своего наставника. Нет, конечно, не лучше. Пока еще не лучше, но у него еще все впереди, тридцать лет всего. Это ж разве возраст для хирурга?!

А друг Игорь по распределению попал в Подмоскovie, в райцентр, невропатологом в городскую больницу. В то время, когда Полянский писал, а потом защищал кандидатскую, стажировался в Европе и Штатах, Игорь делал карьеру, смешную по столичным меркам, но весьма значительную по провинциальным. За шесть лет он от участкового невропатолога дорос до заведующего неврологическим отделением.

– Привет, старик! Рад тебя слышать! – Сергей окончательно проснулся.

– Серега, тут без тебя никак. – Голос у друга был какой-то странный, это только спросонья показалось, что усталый.

– Случилось что?

– Случилось, помощь твоя нужна. И как можно быстрее. Тут такое дело... – Игорь на секунду замолчал, собираясь с мыслями. – К нам по «Скорой» женщина поступила с черепно-мозговой. По клинике похоже на эпидуральную гематому¹ теменно-затылочной области. Серега, там полный кирдык, кажись, вклинение начинается.

– Сколько времени прошло? – Сергей встал с дивана, прошелся по комнате.

Вот тебе и вещий сон! Тебя позовут... помоги ей. Позвали, придется помогать.

– Не знаю, наверное, около часа.

– Сознание?

– Отсутствует, но в «Скорой» в себя на пару секунд приходила. Оперировать ее надо, Серега! А ты ж знаешь, как у нас с этим делом.

Сергей и в самом деле знал, не раз слышал от друга жалобы на хреновое обеспечение больницы и недоукомплектованность.

– Пусть везут к нам, я договорюсь с дежурными врачами, – он взглянул на часы.

– Серега, а может, лучше ты к нам? Мы ее живой не довезем, а ты на своей «Субару» мигом домчишься. Приезжай. Не в службу, а в дружбу!

Сергей взъерошил волосы, подавил зевок. Похоже, предстоит ему еще одна бессонная ночь. Но ведь друг просит, как тут отказать?!

– Готовьте операционную. Я скоро буду.

Зевая и чертыхаясь, он добрался до гаража.

¹ Эпидуральная гематома – травматическое кровоизлияние, которое располагается между твердой мозговой оболочкой и костями черепа, вызывая местное и общее сдавление головного мозга.

– Погуляем, девочка? – спросил с нежностью свою машину.

«Субару» радостно мигнула фарами, замурлыкала в предвкушении большой прогулки. Автомобилю, способному развивать скорость до двухсот километров в час, нечего делать на городских улицах. Его, как охотничьего пса, время от времени нужно выпускать на волю, чтобы не застаивался и не болел.

До места Сергей добрался в рекордно короткие сроки, всего за час двадцать. С тихим ворчанием «Субару» катилась по узкой разбитой дороге. Слева одиноко светилося несколько окон городской больницы. Справа утопало в непроглядной тьме городское кладбище. Сергей усмехнулся. Хорошее соседство – больница и кладбище. Наверное, чтобы ни врачи, ни пациенты не расслаблялись, все время помнили о бренности бытия. На крыльце пожарного выхода, тускло освещенного полудохлой лампочкой, стояла одинокая фигура в белом халате. Видать, дежурный врач вышел покурить.

Обогнув больницу по периметру, Сергей подъехал к центральным воротам. Минут пять ушло на то, чтобы уговорить полусонного сторожа пропустить «Субару» на территорию больницы. Не оставлять же девочку без присмотра!

У входа в приемный покой его уже ждали. Долговязый патлатый парень, не то фельдшер, не то санитар – по внешнему виду сразу не определишь, – отклеился от стены и шагнул навстречу.

– Полянский Сергей Сергеевич? – спросил полуутвердительно-полувопросительно.

– Да.

– Меня Игорь Владимирович послал вас встретить. Ваша тачка? – Парень с завистью посмотрел на «Субару».

Сергей кивнул.

– Хорошая машинка, скоростная...

– Пациентка где? – Не любил он вот таких разговоров, и панибратства тоже не любил. Не дожидаясь провожатого, решительно шагнул в раскрытые двери.

– Дама с собачкой?! Так уже на операционном столе, вас дожидается. Игорь Владимирович там же.

– Почему дама с собачкой?

– Так ее ж с собачкой нашли! – притихший было парень снова оживился. – Это вообще какая-то жуткая история, – добавил зловещим шепотом. – Дамочку-то на кладбище обнаружили, лежала с проломленным черепом прямо на могиле.

– Кто обнаружил?

– Да хрен поймешь! Неизвестный позвонил в «Скорую», сообщил, что на кладбище лежит женщина, вся в крови. Знаете, сколько там кровищи было? Ребята со «Скорой» говорят – целое море!

– Так уж и море? От черепно-мозговой? – усомнился Сергей.

– Так там не только дамочкина кровь была, – обиделся парень.

– А чья ж еще?

– Собакина. Я же говорю: дамочка с разбитой головой – на могиле, а рядом – собачий труп, обезглавленный и освежеванный...

– Не понял. – От удивления Сергей даже шаг замедлил.

– Вот именно! – Парень возбужденно потер руки. – Сплошные непонятки!

– Что значит «обезглавленный и освежеванный»?

– А то и значит, что кто-то дамочку по темечку тюкнул, а потом с ее собачки шкуру снял, голову отрезал и с собой унес.

– Бред какой-то! Зачем кому-то собачья шкура? – удивился Сергей.

– Знаете, что я думаю? – Парень понизил голос до зловещего шепота. – В городе завелся маньяк. У нас в том году несколько детишек пропало, до сих пор не нашли, а теперь вот собачка...

– Не вижу связи. – Сергей остановился у дверей с надписью «Первое хирургическое отделение».

Парень хотел было что-то возразить, но дверь распахнулась, выпуская в полутемный коридор яркий электрический свет и немолодую уже медсестру.

– Сергей Сергеевич? – спросила она шепотом.

– Он самый.

– А мы вас уже ждали. Пойдемте, покажу, где можно переодеться.

Он тщательно вымыл руки, сунул их в приготовленные расторопной медсестрой стерильные перчатки и шагнул в ярко освещенную операционную.

– Доброй ночи!

– А вот и наша приглашенная звезда! – стоявший спиной к двери мужчина обернулся и приветственно взмахнул рукой. Его лицо скрывала маска, но Сергей безошибочно признал в хирурге Игоря. – Ну что же, господа, предлагаю опустить формальности и сразу приступить к делу!

– Кто ассистирует? – спросил Сергей.

– Ассистирует Игнат Тимофеевич, – Игорь кивнул на стоящего рядом невысокого, упитанного мужчину.

В ответ тот проворчал что-то невразумительное, способное сойти и за приветствие, и за ругательство. Сергей не стал вникать в детали, главное, чтобы мужик оказался хорошим хирургом.

– А это Любовь Степановна – анестезиолог.

Женщина, возраст которой определить из-за маски и хирургической шапочки не представлялось возможным, сдержанно кивнула Сергею.

– А это Машенька – операционная сестра.

– Здравствуйте, – сказала Машенька и смущенно потупилась.

Знакомство заняло несколько секунд. Как только Сергей шагнул к операционному столу, имена ассистентов тут же выветрились у него из головы. Ни к чему они сейчас – эти имена. Он знает, кто за что отвечает, а с остальным можно разобраться и после операции. Сейчас главное – пациентка. От него, Сергея, зависит, выживет эта женщина или нет. И если выживет, то не останется ли на всю жизнь инвалидом. Ведь человеческий мозг – штука тонкая, одно неверное движение, и все...

Сергей окинул присутствующих взглядом, выдохнул:

– Ну, поехали...

Хирург опять проворчал что-то себе под нос. Сергею удалось расслышать лишь одно: «Гагарин хренов». Видать, не жалуют местные эскулапы приглашенных звезд. Еще бы им жаловаться! Трепанацию черепа может сделать любой мало-мальски квалифицированный хирург, а тут он приперся... Ну и Аллах с ними! Не о том сейчас нужно думать. Сергей на секунду прикрыл глаза, настраиваясь на предстоящую операцию. Студенческая привычка...

...Краниограмму пациентки он успел посмотреть, еще когда переодевался на операцию. Компьютерная томограмма была бы информативнее, но где ж в райцентре найти компьютерный томограф! Как говорится, чем богаты, тем и рады. В любом случае выход один...

Сергей открыл глаза, посмотрел на операционное поле: выбритый, обработанный йодом череп пациентки. Ему вдруг захотелось увидеть ее лицо, скрытое за кулисами из бурых от частой стерилизации салфеток. Он так и не научился относиться к пациентам, как к безликим и бесполом существам, прилагающимся в довесок к историям болезни. А это, можно сказать, не простая пациентка, за нее в его сне так хлопотали...

– Как думаешь, какие у нее шансы? – Игорь устало откинулся на спинку продавленного дивана.

Сергей поерзал в неудобном кресле, отхлебнул растворимый кофе из щербатой чашки и пожал плечами:

– Сейчас не могу ничего сказать со стопроцентной уверенностью, время покажет, но думаю, что шансы у твоей дамы с собачкой есть, и очень даже неплохие.

Друг вздохнул, как показалось, с облегчением.

– Можно встречный вопрос? – спросил Сергей.

– Давай, – Игорь вяло махнул рукой.

– Почему ты так хлопчешь из-за этой таинственной незнакомки? Кстати, она хоть хороша собой?

– Хороша, – друг кивнул, – насколько может быть хороша дама с проломленным черепом да еще перемазанная кладбищенской землей. А хлопчу как раз потому, что уж больно все вокруг нее таинственно. Кладбище. Маньяк. Собачка, опять же, освежаванная... Настоящий детектив.

– Скорее уж триллер, – усмехнулся Сергей.

– Ну, может быть, и триллер, но с элементами детектива. Я тебе говорил, что она в «Скорой» в сознание приходила?

– Говорил, кажется.

– Так вот, она иностранка. Лопотала что-то по-ненашенски, предположительно, по-французски. – Игорь многозначительно поднял вверх указательный палец. – И одета она была очень хорошо...

– А говорила что?

– Так хрен поймешь! В бригаде французского никто не знает. У нас таких полиглотов, как ты, нет. Имя повторяла одно и то же.

– Какое?

– Не то Каспер, не то Джаспер. Интригующе, не правда ли? В нашем захолустье появляется и едва не погибает от рук маньяка таинственная француженка...

– А документов у нее случаем с собой не было? – поинтересовался Сергей.

– Случаем не было. – Игорь залпом допил кофе. – Платочек носовой в кармане был с монограммой «ПЯ», и все. – Он понизил голос до заговорщицкого шепота: – Я надеюсь, когда барышня оклемается, порасспросить ее поподробнее обо всем случившемся на погосте.

– Зачем тебе? – Сергей зевнул. – Пусть ее милиция расспрашивает.

– Ну ты даешь! – возмутился Игорь. – Это же интересно: убийство и все такое. Скажешь – нет?

Сергей равнодушно пожал плечами.

– Не было никакого убийства. Попытка, возможно, и была, а убийства не было.

– Как это не было убийства?! – Игорь даже привстал с дивана от возмущения. – А собачка, зверюшка, невинно убиенная?!

– Слушай, Игорек, – Сергей поднялся вслед за другом, – я, пожалуй, домой поеду. Уже две ночи не сплю. А ты поменьше детективов читай, доктор Ватсон. И вот еще что, ты свою француженку лучше не про убийство порасспрашивай, а про состояние ее банковского счета. Вдруг она тебе за свое спасение бешеные деньги отвалит...

– Фу, какой ты меркантильный! – фыркнул Игорь и тут же широко улыбнулся. – Ладно, старик, спасибо за помощь. Я твой вечный должник.

– Брось, – отмахнулся Сергей. – Всегда мечтал спасти прекрасную незнакомку.

– Раз уж ты такой благородный и безотказный, может, тогда как-нибудь еще раз подъедешь, осмотришь нашу подопечную? Ты же для нее теперь вроде ангела-хранителя.

– Это ты со своим альтруизмом для нее ангел-хранитель, – усмехнулся Сергей. – А я так – приглашенная звезда.

– Ну так подъедешь? – не сдавался Игорь.

Сергей крепко задумался. В его плотном графике будет довольно сложно выкроить несколько лишних часов, да и мотаться туда-сюда не хочется. Но друг просит...

– Хорошо. Недельки через две подскочу.

– Вот и чудненько! – обрадовался Игорь. – Значит, мы с прекрасной незнакомкой ждем тебя ровно через четырнадцать дней. Не забудь.

* * *

Он забыл. Первую неделю еще помнил, а на вторую забыл начисто. Внезапно занемог профессор Ильинский, и все заботы о клинике легли на плечи Сергея. Помимо медицинских проблем ему теперь приходилось решать еще и административно-финансовые. А это отнимало уйму сил и времени. Он и дома-то теперь появлялся только затем, чтобы принять душ и переодеться, а потом снова мчался в клинику. Поэтому, когда через три недели позвонил Игорь и обиженным голосом спросил, помнит ли он о взятых на себя обязательствах, Сергей даже не сразу понял, о чем речь. А когда до него наконец дошло, проникся чувством вины:

– Прости, старик. Совсем из головы вылетело. Тут у нас такое творится! Шеф занемог. Все свалилось на меня. Когда приехать? Завтра? Нет, завтра не смогу. А давай в субботу. Тебя устроит?

Игоря устроило. Утром в субботу он собственноручно вышел встречать Полянского к воротам больницы.

Сергей заглушил мотор, выбрался из машины, помахал рукой стоящему у куста сирени другу. Игорь кивнул в ответ, швырнул недокуренную сигарету в урну, промахнулся, досадливо поморщился и шагнул навстречу Полянскому.

– С приездом, – он энергично потряс протянутую руку. – Как добрался?

– Да нормально, – Сергей неодобрительно покосился на сиреневый куст с валяющимся под ним бычком.

– Все еще осуждаешь мою пагубную страсть? – усмехнулся Игорь.

– Нет, просто не понимаю, зачем сознательно сокращать свою жизнь? – Сергей пожал плечами. Вообще-то раздражал его вовсе не лежащий на земле окурок, а одуряющий запах сирени. Когда он еще был молодым и глупым, ему нравился этот запах, а потом Сергей его разлюбил. Вот просто взял, и разлюбил... Вернее, все было не просто, и сирень сама по себе ни в чем не виновата...

Сергей взъерошил волосы, отгоняя тягостные воспоминания, спросил нарочито бодрым голосом:

– Как там наша таинственная незнакомка?

– Это я как раз у тебя хотел выяснить, – проворчал Игорь. – Ты же у нас приглашенная звезда.

– Да уж...

– Таинственная незнакомка идет на поправку. – Игорь сменил тон с легкомысленного на серьезный.

– Это хорошо. – Сергей бросил еще один взгляд на сиреневый куст.

– Есть только одно «но»: у нашей подопечной амнезия, она совершенно ничего не помнит. Даже собственного имени. Представляешь?!

– А милиция что? – спросил Сергей.

– А ничего милиция! – неожиданно обозлился Игорь. – Я вообще подозреваю, что они это дело решили на тормозах спустить. Маньяка, который нашу барышню по темечку тюкнул, никто не ищет. Ее личность никто установить не пытается...

– Ну, это вряд ли, – Сергей с сомнением покачал головой. – Милиция все-таки.

– Ой, не смей меня! – Игорь поморщился. – Третий десяток уже разменял, а все еще веришь в торжество правосудия.

– А она действительно француженка?

– Да хрен поймешь! – Друг в сердцах сплюнул себе под ноги. – По-русски она говорит не хуже, чем мы с тобой.

– А по-французски?

– По-французски тоже говорит, а еще по-английски...

Сергей присвистнул.

– Вот и поди разбери, кто она: русская, француженка или англичанка. – Игорь, кажется, слегка успокоился, достал из кармана пачку «Беломора», снова закурил.

В тот момент, когда друг щелкнул зажигалкой, Сергею вдруг пришел в голову вопрос:

– Слушай, а на какие, собственно говоря, средства ты свою незнакомку лечишь? У нее же, как я понимаю, ни полиса, ни денег нет.

– Правильно понимаешь. – Игорь выдохнул колечко дыма. – Операцию мы ей сделали бесплатно. Тебе, как другу, спасибо. Хирургу – бутылка коньяка. Анестезиологу – банка кофе. Машке – шоколадка. Шовный и перевязочный материал удалось списать, за лекарства я свои кровные выложил. Ну, а койку в моем отделении главврач от щедрот своих выделил. Вот такой расклад, – он замолчал, глубоко затянулся.

Сергей смотрел на друга, открыв рот. Даже по самым скромным прикидкам, на лекарства для «таинственной незнакомки» ушло баксов двести, а то и все триста. Поразительный альтруизм! Или не в альтруизме дело? Может, друг влюбился в эту свою француженку?

– Пойдем, что ли, – он потянул Игоря за рукав халата, – страсть как хочется взглянуть на женщину, ради которой ты пошел на такие жертвы.

– Тоже мне, жертвы! – Игорь тщательно прицелился и на сей раз отправил беломорину прямоком в урну. – Ладно уж, пойдем, приглашенная звезда. Может, подскажешь, как мадемуазель память вернуть.

– Старик! – Сергей старался не отстать от энергично шагающего товарища. – А как ты к ней обращаешься?

– В смысле? – Игорь замедлил шаг.

– Ну, как ты ее зовешь?

– А, да так и зову – мадемуазель.

...Она сидела у распахнутого настежь окна. В палате больше никого не было – только эта миниатюрная женщина в убогом больничном халате. Сергей мог видеть только затылок с коротким ежиком черных волос, тонкую шею да острые плечи...

– Мадемуазель! Вот, как и обещал, привел к вам нейрохирурга с мировым именем, – деликатно откашлявшись, произнес Игорь.

Сергей раздраженно посмотрел на друга – что это еще за нейрохирург с мировым именем? В ответ тот виновато улыбнулся. Мол, извини, друг, занесло. Женщина у окна вздрогнула, зябко поежилась и обернулась...

...Она почти не изменилась за эти тринадцать лет. Черные, точно вороново крыло, волосы, бледная кожа, синие глаза. А с этим наивно-беспомощным ежиком и мальчишеской худобой она в самом деле похожа на француженку.

...Она почти не изменилась. Нет, черт возьми! Она стала еще красивее.

– Полина?! – Сергей оттолкнул Игоря, шагнул навстречу своему прошлому.

Ее безмятежный взгляд неуловимо изменился, точно по небу пробежало облачко, лицо осветила робкая улыбка:

– Мы знакомы?

Пол под ногами качнулся.

Знакомы?! Тринадцать лет назад эта женщина практически уничтожила его жизнь, а сейчас спрашивает, знакомы ли они...

– Мы знакомы, – Сергей тяжело вздохнул. – Мы очень хорошо с тобой знакомы, золотая рыбка...

* * *

– Полина, девочка моя, – уговаривала мама. – Вальдемар – замечательная партия для тебя. Образованный, талантливый, перспективный! Лучшего и не найти!

– Вальдемар – мой троюродный брат! – возмущалась Полина. – Мамочка, ты толкаешь меня на инцест!

– Глупости! Никакой это не инцест! Раньше в нашем кругу браки между кузенами были в порядке вещей. Да и современный закон не запрещает жениться троюродным брату и сестре.

– Зато медицина такие браки не приветствует. Я не собираюсь рожать уродов от Вальдемара!

– Полина, выбирай выражения! – в спор вмешался отчим. – Мы с твоей мамой уже все решили. У Вальдемара великолепные перспективы. Я уже разговаривал с консулом, у него есть вакансии. Вы женитесь и улетаете во Францию. Подумай, Полина, тебя ждет Париж. Ты же скучаешь по Парижу.

– Скучаю. – Полина упрямо тряхнула головой. – Но я не хочу в Париж с Вальдемаром.

– Не понимаю, чем тебе не нравится граф Вольский? – спросила мама. – На мой взгляд, он чудесный мальчик. Ваш союз упрочит отношения между нашими семьями...

– Ну конечно! – Полина презрительно фыркнула. – Вы собираетесь выдать меня за Вальдемара, потому что он граф Вольский. А если бы он был не Вольским, а каким-нибудь Ивановым?!

– Не говори глупостей, девочка! – Отчим уже терял терпение. – Ты даже представить себе не можешь, чего нам стоило устроить этот союз!

– Ну почему же! – Полина скрестила руки на груди, с вызовом посмотрела на родителей. – Ты пообещал графьям Вольским пристроить их сыночка в российское посольство во Франции при условии, что он женится на мне. – Какой у нас век на дворе, двадцатый? Так почему же вы до сих пор живете в восемнадцатом?!

– Полина, не дерзи! – Отчим раздраженно ослабил узел галстука. – В нашем кругу так принято. Ты сама все прекрасно понимаешь. Твоя родословная...

– Я наизусть знаю свою родословную, – огрызнулась Полина. – Мы, Ясневские, старинный графский род. У нас голубая кровь, глубокие корни и непомерный гонор. Мы вступаем в брак не по любви, а исключительно по расчету. Мы скрещиваемся только с себе подобными, чтобы породу не испортить...

– Полина! – Мама в ужасе закатила глаза.

– За Вальдемара я замуж не пойду. – Полина хмуро посмотрела на отчима. Она знала, что в их семье все решает именно он: с кем общаться, где отдыхать, какую конно-спортивную школу выбрать для Полины, у какого кутюрье одеваться маме...

Если бы был жив папа... Папа никогда бы не заставил Полину выходить замуж за нелюбимого, потому что папа никогда не принадлежал к касте избранных. Он был простым смертным, позором рода Ясневских. Все вздохнули с облегчением, когда он погиб, даже мама... А

ведь Полине всегда казалось, что мама любила отца, коль решилась выйти за него замуж наперекор всем.

Папа погиб, а ровно через год появился отчим, и жизнь Полины круто изменилась. Конечно, вслух об этом никогда не говорили, но девушка постоянно чувствовала, что она лишь наполовину Ясневская, что в ее жилах течет немалая толика плебейской крови и что ей до конца жизни придется изживать из себя это дурное начало.

А она не хотела! Ей нравилось быть не такой, как ее напыщенные кузины и кузены. Она искренне полагала, что принадлежность к дворянскому роду еще не делает человека особенным. В ее кругу подобные мысли считались ересью, поэтому она ни с кем ими не делилась. Ну, разве что с Ядвигой...

Ядвига Ясневская была особенной женщиной. Полину всегда восхищало и поражало то, что в ней сочетались, казалось бы, совершенно несочетаемые вещи. Начать с того, что она была аристократкой до кончиков ногтей: великолепно образованной, утонченной, стильной. Ни один светский раут не считался удавшимся, если его проигнорировала Ядвига. Ее боготворили, перед ней заискивали, о ней сплетничали, ее боялись...

А она не обращала никакого внимания на бурлящие вокруг нее страсти, жила по собственным правилам и напрочь игнорировала мнение общественности. Ядвига позволяла себе безумные поступки, и всё сходило ей с рук. Она была женщиной-загадкой, светской львицей, самодуркой, оригиналкой, бунтаркой и отступницей в одном лице... А еще – двоюродной бабушкой Полины и ее единственным другом.

Еще будучи ребенком, Полина обожала приезжать в гости к Ядвиге, в ее огромный загородный дом. Особняк под стать своей хозяйке был виден издалека и приковывал к себе взгляды. Оказавшись однажды в этом странном, ни на что не похожем доме, хотелось остаться в нем на веки вечные, бродить по его бесчисленным комнатам, подниматься по скрипучим лестницам, пить чай на веранде, вдыхать аромат цветущей под окнами сирени и любоваться закатами и восходами.

Дом спроектировал и построил один из мужей Ядвиги. Точнее, это Ядвига нарисовала на листе бумаги дом, в котором ей хотелось бы жить, а влюбленный мужчина воплотил ее мечту в жизнь. Он погиб в тот самый день, когда переехал с молодой женой в новый дом. Трагическая случайность: падение со стремянки, которое должно было привести максимум к ушибу, – и перелом шеи... Впрочем, трагической случайностью эта смерть казалась лишь на первый взгляд. Годами позже стало ясно, что это злой рок...

Ядвиге Ясневской нельзя было выходить замуж. Ее мужья умирали, не успев насладиться любовью красавицы жены...

Несчастный архитектор не был первым мужем Ядвиги. Первой жертвой фатума стал режиссер, успешный, талантливый, обласканный властью. Ядвига, тогда еще совсем юная, упростила мужа снять ее в кино. Она рассчитывала всего лишь на эпизод, но супруг не стал мелочиться. Ядвиге, не имеющей никакого отношения к кинематографу, досталась главная роль, и, что бы ни говорили злопыхатели, картина удалась. Критики прочили Ядвиге великое будущее в мире кино.

...Они ехали на торжественный ужин, посвященный дебюту девушки, когда в их автомобиль врезался потерявший управление «КамАЗ»... Муж скончался на месте. Ядвига отделалась синяками. С того дня она разлюбила кино.

Третьим супругом Ядвиги стал француз, кутюрье с мировым именем. Он увидел ее в том самом роковом фильме и влюбился без памяти. Он даже отважился приехать в холодную, негостеприимную Россию, чтобы разыскать даму, покоровшую его сердце. И нашел-таки, в только что отстроенном загородном доме, прячущуюся от мира, оплакивающую трагическую кончину второго мужа.

Француз был сражен. Безутешной вдове чертовски шел траур. Благородный черный цвет подчеркивал матовую бледность кожи и небесную синеву глаз. Вдова была прекрасна и таинственна... Француз знал толк в красоте, поэтому очертя голову бросился на штурм, казалось, неприступной крепости. Этот штурм продолжался почти три года. В конце концов Ядвига согласилась выйти замуж в третий раз. Через полгода, после решения всех юридических формальностей, вместе со счастливым женихом она улетела в Париж.

Белое шло Ядвиге не меньше, чем черное. В атласном кипенно-белом подвенечном платье, собственноручно сшитом для нее будущим супругом, она была похожа на ангела.

...Ее мужу стало плохо сразу после венчания. «Ничего страшного, душа моя. Это от счастья. Ты безумно хороша в белом...» Спустя четыре месяца он умер от рака печени. В тридцать три года Ядвига оказалась трижды вдовой... С тех пор она не снимала траур. С тех пор за ней закрепилась слава Черной вдовы. С тех пор она решила больше никогда не выходить замуж.

Ядвига вернулась в Россию в лихие постперестроечные годы. Ее возвращение стало сенсацией. Никто, находясь в здравом уме, не променял бы сытую и цивилизованную Францию на промозглую совковую неустроенность. Не иначе, Ядвига Ясневская сошла с ума, ведь в Европе у нее остался целый кусок жизни: налаженный бизнес, особняк в парижском предместье, приличный счет в банке, друзья, поклонники.

Она никогда не рассказывала, как жила все эти годы во Франции, в ответ на вопросы о своем прошлом лишь равнодушно пожимала плечами. «Бизнес?! Ах, бросьте! Разве можно назвать бизнесом маленький свечной заводик?!» Но, похоже, «свечной заводик» Ядвиги был очень прибыльным предприятием, коль по возвращении на родину она могла позволить себе вполне комфортную и безбедную жизнь.

Первым делом Ядвига выкупила и отремонтировала свой старый загородный дом. Тот самый, где погиб ее второй муж. Как только ремонт был закончен, Ядвига покинула Москву, чтобы, как она выражалась, до конца дней прожить в тишине и уединении.

Тишины и уединения не получилось. Не успела Ядвига распаковать вещи, как к ней тут же пожаловали с визитом вежливости многочисленные родственники. Любопытство визитеров было столь велико, что извиняло всю ее прошлую «недостойную» жизнь: мужей «не нашего круга», измену семье и Родине, пугающе большие, невесть откуда взявшиеся деньги. Всем хотелось знать, как она жила все эти годы, что собирается делать дальше, а главное, почему она вернулась.

Ядвига не ответила ни на один из этих вопросов. Удобно устроившись в антикварном кресле, попыхивая трубкой, она рассказывала о том, какая необыкновенно холодная зима выдалась в этом году в Западной Европе; о забастовке коммунальщиков в Париже; о последних тенденциях в мире моды; о чудесных французских булочках... Она рассказывала о тысяче интересных и не очень интересных вещей, но ни словом не обмолвилась о себе. Родня покинула дом Ядвиги разочарованной и заинтригованной одновременно. Время покажет. Ни одному человеку не удавалось долго скрывать свое прошлое. Рано или поздно тайны, оберегаемые Ядвигой, все-таки станут достоянием общественности.

Время шло, а тайное так и не становилось явным. Мир изменился. Аристократии больше не нужно было прятаться в «подполье». Быть потомственным дворянином стало модно. Не все, но многие принялись искать доказательства своей принадлежности к дворянским фамилиям. Некоторые такие доказательства находили. А те, кто не находил, но очень хотел, покупал титул и благородную родословную за весьма умеренную плату. Мир перевернулся с ног на голову. Мир стало не до Ядвиги с ее тайнами.

А Ядвига, казалось, чего-то ждала. Вокруг нее бурлила жизнь, рушились и восставали из пепла государства, а она продолжала вести уединенный образ жизни. Всегда в черном, с загадочной полуулыбкой на лице, с тщательно уложенными, уже посеребрёнными сединой воло-

сами, безупречным макияжем и с неизменной трубкой, она выглядела как вдовствующая королева.

Ее добровольная изоляция не была абсолютной. Изредка Ядвига принимала приглашения друзей и выбиралась в свет. В свои почти пятьдесят она по-прежнему оставалась необыкновенно красивой женщиной. У нее были обожатели, ей не единожды предлагали руку и сердце, но она лишь рассеянно улыбалась и продолжала ждать.

* * *

Это случилось в день, когда Ядвиге исполнилось пятьдесят лет. Она отказалась отмечать юбилей и привела этим родственников в полное замешательство. Отчим Полины потратил уйму сил и денег, чтобы снять на сутки только что отреставрированный загородный особняк, принадлежавший некогда очень знатному княжескому роду. В советские годы здание использовалось как сельский дом культуры, а после должно было стать краеведческим музеем. Полина даже думать не хотела, на какие рычаги пришлось надавить отчиму, чтобы заполучить, пусть даже во временное пользование, памятник старины. Кроме того, в программе торжества были заявлены струнный оркестр, катание на санях и грандиозный фейерверк на закуску. Загадкой оставалось одно – с чего бы это отчиму так угождать строптивой свояченице.

Но Полине было не до разгадывания загадок. Она родилась в тот же день, что и Ядвига, и ей исполнилось двадцать. Ей тоже хотелось праздника, не общего с Ядвигой, а своего. Чтобы было много гостей: не напыщенных, раздувающихся от чувства собственной исключительности потомков старинных фамилий, а простых, нормальных людей, молодых, бесшабашных, лишенных предрассудков. А ее задвинули в тень Ядвиги, отчитали, обозвали эгоисткой. Обидно! Она никогда не была эгоисткой. Она просто стремится быть самой собой, а не чьим-то довеском.

Полина хорошо запомнила тот день, когда отчим решил поставить юбиляршу в известность о готовящихся в ее честь торжествах.

– Ну-с, пойдем, сообщим мадам об ожидающем ее сюрпризе. – Отчим остановил машину у закрытых ворот, заглушил двигатель, строго посмотрел на Полину. – И не делай такое кислое лицо. Ты уже взрослая барышня, должна все прекрасно понимать.

– Что понимать? – Полина удивленно выгнула бровь.

Отчим смерил ее недовольным взглядом и лишь на крыльце Ядвигино дома прошипел:

– Улыбайся, я сказал!

Ядвига, как всегда, выглядела потрясающе, у Полины аж дух перехватило. Она поражалась и в глубине души завидовала способности некоторых женщин оставаться в любом возрасте роскошными, загадочными, необыкновенно красивыми. Ей хотелось быть такой же. Она старалась изо всех сил, но на фоне мамы, а уж тем более Ядвиги выглядела уродиной. Может, набившие оскомину разговоры о голубой крови имеют смысл? Вероятно, кое-что еще можно исправить, но шарма, царственного наклона головы, взгляда, от которого мурашки по коже, – такого у нее никогда не будет. С этим нужно родиться. Оно закладывается где-то на генетическом уровне, а Полина – полукровка. Она лишь наполовину Ясневская...

– Ядвига! Вы обворожительны! – Улыбка отчима сделалась почти искренней.

– Приятно слышать, – хозяйка улыбнулась в ответ, приветливо посмотрела на Полину. – Ты давно не была у меня, девочка.

– Сессия, закутилась совсем, – та виновато пожала плечами.

– Понимаю, – Ядвига кивнула. – Ну, не стойте на пороге, проходите в дом!

Она плотнее закуталась в черную шаль и растворилась в полумраке коридора.

– Егор! Что вы будете пить: чай или кофе? – послышался через мгновение ее голос. – Коньяк не предлагаю, вижу, что вы за рулем.

– Я бы выпил чаю, – сказал отчим, пристраивая длинное кашемировое пальто на вешалку.

– Детка! А ты, как обычно, кофе с корицей? – По голосу было слышно, что Ядвига улыбается.

У Полины потеплело на душе. Даже недавняя обида на тетушку прошла.

– А конфеты, ну те, бельгийские, у тебя еще есть? – спросила она, заходя в просторную, залитую скупым январским солнцем кухню.

– Конечно, детка. – Ядвига не сводила взгляда с закипающей турки. – Специально для тебя храню коробочку.

Полина знала, Ядвига поддерживает связь с французскими друзьями. В ее доме никогда не переводится бельгийский шоколад, хороший кофе, первоклассный алкоголь и элитный табак, зачастую пахнущий чем угодно, только не табаком. На кухню зашел отчим, бросил быстрый взгляд на турку и едва заметно поморщился...

Егор Милославский терпеть не мог кофе, отказывался от него даже на светских раутах. Дома в его присутствии ни Полине, ни жене не позволялось не то что пить, даже говорить о кофе. Но сейчас он был на чужой территории. Ядвиге нет никакого дела до его гастрономических пристрастий и антипатий. Этой ведьме вообще ни до чего нет дела. Сидит одна в своем огромном доме, дни напролет слушает примитивный французский шансон, раскладывает дурацкие пасьянсы, курит мерзкий табак, попивает кофе с корицей... Весь дом пропах табаком и кофе!

Кажется, он позабыл об осторожности, потерял контроль, потому что Ядвига посмотрела на него как-то уж больно внимательно. Что-то почувствовала? Егор заставил себя улыбнуться, максимально нежно, ну точно отец родной, обнял падчерицу за плечи. Ядвига сверкнула яркосиними глазищами, улыбнулась в ответ, как ему показалось, иронично, а Полина, мерзавка, раздраженно повела плечом, стряхивая его руку.

Ведьмы! Девчонка чертовски похожа на свою тетку. Те же повадки, та же склонность к авантюрам, та же надменная, холодная красота. Порода, черт бы ее побрал! Все женщины рода Ясневских такие: красивые и неуправляемые. Даже Мари, его жена, покладистая и рассудительная, в молодости выкидывала коленца. Додумалась же выскочить замуж за этого безродного ублюдка. Где бы она сейчас была, если бы не он, Егор Милославский? Поднял с самого дна, с девчонкой ее возился, как с родной дочерью...

Кстати, о девчонке. Пора сплавить ее с глаз долой. Надо бы еще раз с Вольским поговорить. И с Ядвигой нужно что-то решать...

Полина не без удовольствия наблюдала, как холеное лицо отчима покрывается бордовыми пятнами. Молодец, Ядвига! Теперь он ночами спать перестанет: гадать будет, обиделась она на его слова или нет, упомянет ли его имя в своем завещании. Вот так-то, «папочка»! С Ядвигой такие игры не проходят!

Отчим взял себя в руки довольно быстро, и даже его лихорадочный румянец утратил нездоровую яркость.

– Простите, мадам, – покаянным жестом он прижал руку к груди, – я ни в коей мере не хотел вас обидеть.

– А вы и не обидели. – Ядвига обмахнулась веером из карт. – Так про какой такой сюрприз вы говорили?

– Сюрприз просто грандиозный! – Отчим заметно приободрился. – Торжественный вечер в вашу честь. Все будет очень достойно: старинная усадьба, катание на русской тройке, фейерверк...

– А еще струнный оркестр и сто пятьдесят гостей, – ввернула Полина.

Отчим сердито глянул в ее сторону, но ничего не сказал.

Тишина длилась несколько минут. Ровно столько, сколько Ядвига раскуривала свою трубку. Полина вдохнула горько-ореховый запах, ассоциирующийся у нее исключительно с этим чудесным местом.

– Я благодарна вам за заботу, – нарушила молчание Ядвига, – но вынуждена отказаться от этого прекрасного подарка.

Даже Полина, которая знала тетю намного лучше, чем отчим, не ожидала такого ответа.

– Но почему, позвольте спросить?! – Румянец отчима сменился бледностью – верный признак того, что тот в бешенстве.

Ядвига пожала плечами:

– На завтрашний вечер у меня другие планы.

– Но ведь все уже решено... гости, фейерверк... Вы не можете! – Отчим не сводил с Ядвиги настойчивого взгляда.

– Кем решено? – поинтересовалась та, поудобнее устраиваясь в своем любимом кресле.

– Ну, я думал... – Отчим терял остатки спокойствия.

– Голубчик, мне очень приятно, что вы думали за меня, – Ядвига рассеянно посмотрела на свою трубку, – но на завтрашний вечер у меня назначена очень важная встреча.

– А отменить или хотя бы отложить эту встречу никак нельзя?

– Никому не под силу отменить встречу со своей судьбой. Запомни это, детка, – Ядвига ласково посмотрела на притихшую Полину. – Не все, но многое за нас уже давным-давно решено, поэтому глупо и бессмысленно противиться неизбежному.

– А откуда ты знаешь, что это неизбежное наступит именно завтра? – спросила Полина. – На картах нагадала, да?

– Карты могут рассказать о многом, но не обо всем. – Ядвига грустно улыбнулась.

– А мне погадаешь? – Полина напрочь забыла, зачем пришла в этот дом.

– Погадаю, но не сейчас.

– Когда?

– Дамы! Дамы! О чем вы говорите?! – вмешался отчим. – Какие встречи?! Какое неизбежное?! Скажите лучше, что мне делать с сотней гостей?!

– Насколько мне помнится, у Поли завтра тоже день рождения, – задумчиво сказала Ядвига. – Вот и сделайте девочке приятное. Катание на санях и фейерверк больше подходят для ее возраста, а не для моего. Кстати, детка, у меня для тебя тоже есть подарок, пойдем-ка...

...Перстень был красив какой-то строгой, невычурной красотой: крупный сапфир в золотой оправе.

– У нас с тобой, детка, глаза нашей прабабки. Их цвет нужно подчеркивать сапфирами. – Ядвига достала перстень из бархатной коробочки, протянула Полине. – Есть еще серьги, но их принято дарить на тридцатилетие. Так что подожди немного, Поля, и у тебя будет гарнитур...

Когда они вернулись в гостиную, отчима на месте не было.

...Только оружие могло вернуть Егору Милославскому хорошее расположение духа. К холодному оружию он испытывал какую-то необъяснимую тягу. У него даже имелась неплохая коллекция кортиков, но она не шла ни в какое сравнение с тем, чем владела Ядвига. Ради возможности видеть эти сокровища, касаться их, ощущать их смертоносную тяжесть Егор был готов сносить любые выходки свояченицы.

Японское оружие тринадцатого – пятнадцатого века! Раритет! А по вине этой самодурки бесценные вещи хранятся как попало, пылятся на открытых полках, тускнеют, ржавеют...

Егор бережно взял в руки масакири-кай – японский двуручный топор, сиротливо стоящий в углу комнаты, которую Ядвига отвела под арсенал. В потемневшем от времени, а может быть, и от пролитой некогда крови металлу он увидел свое отражение. Ну до чего же это несправедливо! Видно же, что Ядвиге коллекция не нужна. Она даже не знает, что вот этот боевой металлический веер называется «тэссен», а вот этот нож с изящной костяной рукоятью предназначен для совершения сэппуку. Она не знает и знать не хочет, владеет тем, чем не должна владеть. Она, наверное, даже не в курсе, сколько предметов входит в коллекцию. Если бы он решил взять что-нибудь себе, она бы скорее всего не заметила пропажи. Но ему, Егору Мило-

славскому, не нужно «что-нибудь». Ему необходима вся коллекция, целиком. Когда-нибудь он станет хозяином этих несметных сокровищ. Даже ведьмы не могут жить вечно, а он умеет ждать.

– ...Любуетесь?

От неожиданности Егор едва не уронил топор. Точно ведьма! Подкрадывается бесшумно, как кошка!

– Не перестаю восхищаться! – Он вежливо улыбнулся и осторожно поставил масакири-кай на место.

– Не понимаю я мужской страсти к оружию. – Ядвига равнодушно пожала плечами. – Драгоценности куда интереснее.

Она не понимает! Да откуда ей понять такие вещи! Этим нужно жить и дышать, а не понимать...

– Мадам, надеюсь, вы все-таки передумаете и примете мой скромный дар, – Егор посмотрел на Ядвигу едва ли не с мольбой.

– Я не передумаю, – отрезала та и отвернулась.

Вот так-то... Выходит, зря суетился, зря старался угодить. Не нужно этой ведьме ничего, столько сил и денег вылетело в трубу! А еще придется как-то объяснять приглашенным гостям причину, по которой виновница торжества проигнорировала собственный юбилей. Егор бросил на притихшую Полину раздраженный взгляд. Похоже, девчонке повезло: немногие удостаиваются фейерверка на двадцатилетие. Знать бы, чем все обернется, не приглашал бы столько народу.

* * *

Ядвига проводила гостей и, прихватив колоду, поднялась в свой кабинет. Карты легли так же, как последние несколько дней. Она уже не удивлялась и не пугалась. От судьбы не уйдешь...

...Судьба в лице молодого, плохо одетого мужчины бросилась под колеса Ядвигиной машины в день ее пятидесятилетия. Ядвига едва успела вывернуть руль. Даже истошный визг тормозов не заглушил страшный звук падающего – сначала на капот, а потом на обледеневшую дорогу – тела. Она с трудом разжала побелевшие пальцы, толкнула дверцу.

Снаружи было холодно. Чудовищно холодно. Мужчина лежал ничком на дороге. Ядвига не могла видеть его лица. В глаза бросились тонкие, до дыр истертые подошвы ботинок, не по сезону легкое драповое пальто, неестественно вывернутая левая рука, запекшаяся кровь на длинных русых волосах. Ядвига перевернула мужчину на спину и закричала...

...У ее судьбы не было лица. Окровавленное месиво со впаявшимися в истерзанную плоть прядями волос. Ядвигу, многое повидавшую на своем веку, замутило. Она оказалась не готова к такой встрече.

Незнакомец был тяжелым. Ядвиге стоило немалых усилий усадить его на заднее сиденье своей машины. Оставалось решить, что делать дальше. Отвезти к себе домой и вызвать «Скорую»? Нет, слишком долго. «Скорая» может не успеть... Значит, в город, в клинику к Ильинскому. Ильинский – старинный друг и врач от бога. Он обязательно поможет.

Ядвига вела машину так быстро, как не водила никогда в жизни. В этот момент ей не пришло в голову, что в десятом часу вечера Ильинского может не быть на работе. Ее пассажир умирал, и она не могла позволить судьбе свернуть не на ту ветку вероятностей. Предсказанное должно было сбыться...

Ей повезло. Ильинский оказался на месте. Дежурная медсестра едва успела доложить по внутренней связи о странной пациентке, как из-за неплотно прикрытой двери послышались топотливые тяжелые шаги.

– Бог мой, Ядвига! – Ильинский раздраженно отмахнулся от попытавшейся было что-то объяснить медсестры. – Ты ранена? Попала в аварию? Сколько раз я говорил тебе, что нельзя лихачить за рулем?! Откуда кровь? Где болит?

Он заглядывал Ядвиге в глаза, сердито хмурил кустистые брови, а его пальцы быстро и удивительно нежно ощупывали ее лицо, ключицы, руки...

– Переломов нет. – Немного успокоившись, Ильинский встряхнул Ядвигу за плечи. – Ядя, перестань рыдать и объясни мне наконец, что с тобой случилось!

– Не со мной, Марат! – В присутствии огромного, похожего на тюленя Ильинского она наконец смогла взять себя в руки. – Там, в моей машине, человек. Он без сознания и весь в крови. Я сбила его, понимаешь?! Марат, помоги! Он не должен умереть!

На секунду Ильинский замер, закусил седой ус, а в следующее мгновение Ядвига увидела уже совершенно другого человека. Теперь это был не Марат, старый, проверенный временем и самой жизнью друг, а профессор Ильинский, светило с мировым именем, гениальный, деспотичный, энергичный.

Она тихо сидела в углу, наблюдая, как Ильинский делает свое дело. Дежурная медсестра что-то быстро говорила по телефону. Словно из воздуха материализовались санитары с носилками и, подчиняясь нетерпеливому взмаху руки профессора, исчезли за дверью. Происходящее было похоже на сцену из немого кино. Ядвига все видела, но не слышала ни слова.

По телефону теперь с кем-то разговаривал сам Ильинский. А медсестра нервно пританцовывала у распахнутой настежь двери, вглядываясь в темноту и ежась от ворвавшегося внутрь холода. Вернулись санитары. Ядвига бросилась к носилкам. Ее мягко, но решительно оттеснили. Над лежащим на носилках телом склонился Ильинский, буркнул:

– Этого – в операционную, бригада уже моется, – обернулся к Ядвиге: – Подожди в моем кабинете, Анна Ивановна тебя проводит.

Медсестра встрепелулась, бочком, обходя носилки, протиснулась к Ядвиге, холодной ладонью взяла за запястье:

– Пойдемте со мной, прошу вас.

Ядвига думала, что эта безумная ночь не закончится никогда. Если тот человек, ее нечаянная судьба, умрет, ей тоже не жить. Им предсказано быть вместе, а на том или этом свете – не так и важно.

– ...Ядвига! Ядя! – кто-то осторожно тряс ее за плечи.

Ядвига открыла глаза – над ней скалой нависал Ильинский. На его лице, тоже словно вырезанном из куска гранита, лежали глубокие тени.

– Марат? – Она попыталась встать.

– Ну, Ядя, – Ильинский устало улыбнулся, – не скажу, что твой пострадавший в полном здравии, но жить он будет – это совершенно точно.

Ядвига вздохнула, прикрыла глаза.

– Значит, на этом свете, – сказала тихо.

– Что – на этом свете?

– Ничего... Это я так... Спасибо тебе, Марат, – она нежно погладила друга по руке. – Ты даже не представляешь, что для меня сделал.

– Ну отчего же не представляю? Очень даже представляю. – Ильинский плюхнулся в соседнее кресло. – Я сделал трепанацию черепа...

– Марат, я прошу тебя, – Ядвига болезненно поморщилась.

– ...А хирурги вырезали ему селезенку, наложили пятнадцать швов на лицо. Красавцем ему теперь точно никогда не быть. Ну а перелом руки – это уже так, мелочи...

– Марат, ради всего святого! – Она закрыла лицо руками. – Я и так знаю, как виновата.

– Ты виновата? – Ильинский смотрел на нее как-то странно. – Смею тебя заверить, ты виновата далеко не во всех бедах, случившихся с этим парнем. Скажем так, на твоей совести

лишь разорванная селезенка. Но без этого органа вполне можно обойтись, а вот все остальное – это не твоих рук дело.

– Как?!

– А вот так, голубушка! Все вышеперечисленные травмы у нашего подопечного уже имелись до встречи с бампером твоей машины. Я бы даже сказал, что он обязан тебе жизнью. Если бы ты в порыве милосердия не привезла его в больницу, он бы погиб в течение часа, если не от геморрагического шока, так от переохлаждения.

Значит, она не убийца, а спасительница? Неисповедимы твои пути, Господи!

– Хочу курить. – Ядвига откинулась на спинку кресла, просительно посмотрела на Ильинского.

– У меня только сигары, – тот протянул ей инкрустированную серебром деревянную шка-тулку.

– Все равно. – Ядвига сосредоточенно смотрела на свои руки, кое-где виднелись бурые пятна засохшей крови.

Они курили молча. Каждый думал о своем. Она о том, что ей теперь делать с этим странным, похожим на насмешку подарком судьбы. Он о том, какая она красивая. А еще о том, что тогда, много лет назад, ему нужно было проявить настойчивость и заставить ее выйти за него замуж. Возможно, у него не сложилась бы блестящая карьера – ведь невозможно, имея в женах такую удивительную женщину, целиком отдаваться работе, – зато у него было бы нечто несоизмеримо большее...

– Могу я его увидеть? – Ядвига нарушила молчание первой.

– Утром. Сейчас бесполезно – он без сознания.

– Уже утро, ну пожалуйста, Марат!

– Позже, – Ильинский нахмурился.

Ему всегда было нелегко говорить «нет» этой женщине. Собственно, никогда раньше ему и не приходилось ей отказывать. Но сейчас... это ее волнение, желание увидеть пострадавшего во что бы то ни стало. Наверное, дело не в ней, дело в нем самом, в том, что он чувствовал в этот момент. А он чувствовал ревность, вязкую и болезненно-острую...

– Ядя, поезжай домой. Выспись, выкури трубку, выпей кофе. Тебе нужно прийти в себя. А к обеду возвращайся. Нет, лучше позвони мне предварительно, вдруг он еще не придет в себя.

– А он придет в себя?

Ильинский пожал плечами, успокаивающе погладил Ядвигу по узкой ладони:

– А куда же он, голубчик, денется? Придет, конечно. Рано или поздно...

В палату интенсивной терапии Ядвига попала лишь к вечеру. Она сидела на неудобном стуле, кутаясь в белый больничный халат, и не отрывала взгляда от человека, лежащего на высокой, похожей на операционный стол кровати. С забинтованным лицом и загипсованной рукой он был похож на мумию. Кажется, он спал. Ядвига боялась пошевелиться – пусть спит, ему нужно много сил. Вдруг мумия вздрогнула, застонала. Ядвига встрепелась, подалась вперед.

У ее судьбы не было лица, зато у нее были ясные, кристально-прозрачные глаза. Эти глаза смотрели на Ядвигу со смесью тоски и любопытства. Тоски было море, а любопытства – лишь капля.

– Я думал, ты мне примерещилась, – голос был хриплый, чуть слышный. – Черный ангел сменил оперение и стал белым? – Мумия скосила глаза на ее больничный халат.

Ядвига молчала.

– Сними, в черном тебе значительно лучше.

– Как скажешь, – она потянула за тесемки халата.

– Зачем ты меня спасла? – В голосе послышался упрек.

– Так получилось. А что, не нужно было? – Она совсем растерялась и теперь несла всякую чушь.

Мумия заворочалась, послышался скрипучий смех.

– Так получилось! Наверное, считаешь, что совершила благое дело, спасла заблудшую душу?

– Я не знаю.

Она действительно не знала. Не знала, что ответить этому странному, запеленатому в бинты человеку. Не знала, что он хочет от нее услышать.

– Мне больно, – пожаловалась мумия. – Если бы не ты, мне бы уже не было больно, все бы закончилось...

– Прости. – Пальцы запутались в тесемках халата. От острого больничного запаха закружилась голова.

– А ты красивая, – сказала вдруг мумия, в прозрачных глазах загорелся странный огонь.

Ядвига молчала. Ее судьба, полуживая, мучающаяся от боли, сделала ей комплимент, а она, возможно впервые в жизни, не нашлась, что ответить.

– Приходи еще. – Огонек в глазах мумии мигнул и погас.

Ядвига запаниковала, забыв о данном Ильинскому слове «сидеть смирно», вскочила со стула, склонилась над человеком на больничной койке. Долго всматривалась в пропитанные кровью спирали бинтов, пытаясь разглядеть под ними хоть что-нибудь.

– Так ты придешь? – спросил он, не открывая глаз.

Ядвиге показалось, что хриплый голос звучит прямо у нее в голове.

– Я приду. Конечно, приду... – Она поцеловала мумию в бескровные губы и вышла из палаты.

* * *

Его звали Аристарх Лисовский. Ему только-только исполнилось тридцать лет. Он был художником, вероятно, талантливым, но непризнанным. Он творил, не заботясь о признании. Он бы раздавал свои картины просто так, если бы не необходимость что-то есть, во что-то одеваться, как-то платить за убогую съемную комнатуху, покупать кисти и краски. Все упиралось в презренный металл, и ему приходилось продавать свои картины, часто совсем не тем, кому они на самом деле были необходимы, а тем, у кого водились деньги. Это было особенно больно. Все равно, что отдавать любимое дитя на воспитание дурным людям. Это походило на предательство. Он продавал: себя, свой талант, свои картины, и все ради еще одной иссушающей душу и опустошающей кошелек страсти.

Аристарх был игроком: безнадежным, неисправимым, пудовыми гирями прикованным к карточному столу. У него было два алтаря, два идола – мольберт и карточный стол. Искусство и игра. Белое и черное...

Несколько лет ему удавалось сохранять баланс, но недавно хрупкое равновесие было нарушено. Он «заигрался», наделал долгов. Его картины больше никто не покупал даже за ту смехотворную цену, которую он просил за них. А карточный долг рос как снежный ком.

В тот вечер Аристарх твердо уверовал, что капризная Фортуна наконец примет его сторону. До загородного дома, в котором должна была состояться «большая игра», он добирался автостопом, в кармане не имелось ни гроша, зато внутри жила твердая решимость переломить судьбу.

Ничего не получилось. Это судьба переломила – да чего уж там! – переломала его пополам.

...Его били так долго и так методично, что он перестал ощущать боль. Карточный долг – это святое. А он не сумел отыграться, заплатить по счетам. Он слизывал кровь, сочащуюся из рассеченной губы, и улыбался. Он уже все для себя решил. Он освободится...

Кажется, он потерял сознание, потому что, когда пришел в себя, рядом никого не было – только плотная, как бархат, чернота.

Аристарх шел по хрусткому снегу, падал, поднимался. Где-то близко должно быть шоссе. По нему ездят машины. Только бы хватило сил поползти, встать на ноги, шагнуть под колеса автомобиля, освободиться...

Он пополз и даже смог подняться и сделать шаг навстречу приближающемуся лучу света.

Удар... Скрип тормозов... Боль в животе... Оказывается, он еще способен чувствовать боль.

А потом над ним склонился Черный ангел...

Кажется, ангел плакал...

Аристарх хотел его успокоить, но не смог – провалился в звенящую пустоту...

То, что сразу после выписки Аристарх оказался не в своей богом забытой коммуналке, а в доме Ядвиги, казалось абсолютно естественным. Они оба начинали жизнь с чистого листа. Им даже не пришлось подстраиваться друг под друга. Казалось, они знакомы целую вечность. Они не чувствовали разницы в возрасте. Вернее, Аристарх не чувствовал, а Ядвига старалась об этом не думать...

Им было хорошо вдвоем, но их отношения породили настоящую бурю. Возможно, впервые в жизни родня выразила свое неудовольствие выбором Ядвиги и даже прислала увещателя в лице Егора Милославского.

Егор приехал рано утром, без предварительного звонка. Ввалился в ее дом с настороженно-озабоченным выражением лица, разговор начал издалека и, лишь выждав двадцать отведенных этикетом минут, перешел к главному. Все сводилось к одному: грех ей, старой перечнице, заводить интрижку с молодым кобелем. Неужели она не понимает, что кобелю этому нужны лишь ее, Ядвиги, сбережения, что он самый обыкновенный альфонс? Надо бы одуматься, пока еще не поздно, потому как общественность ропщет, а на древний род Ясневских легло несмываемое пятно позора. Конечно, все вышесказанное было тщательно упаковано в яркую обертку из иносказаний, но осадок оставило мерзостный.

Ядвига слушала, не перебивая, дымила трубкой и думала о своем. Уже четыре месяца Аристарх не заводит речи о картах – это хорошо, так и должно быть. И картины его стали другими. Были просто талантливыми, а стали гениальными. Или это просто ей, влюбленной женщине, так кажется? Неважно. Надо будет подумать о персональной выставке, поговорить со знающими людьми. Плохо, что упрямец Аристарх отказывается от ее помощи и о протекции даже слышать ничего не хочет. Ладно, с этим она как-нибудь разберется. На днях прилетает Поль Жорден. Помнится, у него своя галерея в Париже... Может, стоит попробовать организовать там выставку? Поль ей не откажет. Да, надо подумать, и Аристарха подготовить. В конце концов, она его ангел-хранитель, она знает, что для него благо...

– ...Кстати, графиня Кутепова уполномочила меня пригласить вас, мадам, на благотворительный бал, – вывел Ядвигу из задумчивости бархатный голос Милославского.

– По какому случаю бал? – спросила она рассеянно.

– Все как обычно, – Егор иронично усмехнулся. – Графиня жаждет помочь бедным сироткам.

– Ясно. – Ядвига прислушалась к звукам, доносящимся со второго этажа. Кажется, Аристарх, с шести часов запершийся в своей импровизированной мастерской, наконец решил сделать перерыв.

– Вот здесь два приглашения. – Милославский выложил перед Ядвигой запечатанный конверт. – Но, мадам, надеюсь, вы понимаете, какого круга люди там соберутся? – Он понизил

голос до многозначительного шепота. – Ваш э... друг будет чувствовать себя не совсем комфортно в таком обществе.

– ...Думаю, вы ошибаетесь. Это общество будет чувствовать себя некомфортно в моем присутствии, – послышался насмешливый голос.

Ядвига едва заметно улыбнулась, наблюдая, как меняется в лице ее незваный гость. Прежнюю доверительную озабоченность сменили растерянность и страх. Неудивительно, он ведь никогда раньше не видел Аристарха...

Тот неспешно спустился по лестнице, вытирая перепачканные краской руки куском ветоши. Как он красив, ее Аристарх! Высокий, широкоплечий, со стянутыми в хвост русыми волосами. И то, что у него нет лица, абсолютно ничего не меняет...

Егор Милославский застыл в немом изумлении. Он был потрясен до такой степени, что даже не озаботился тем, как смешно выглядит в глазах этого ужасного незнакомца с безобразным, исполосованным шрамами лицом.

Господи святы, что же это за чудовище такое?! Как Ядвига может жить с таким монстром?!

– Дорогая, что же ты не предупредила, что у нас гость? – Монстр поцеловал Ядвигу в губы, и Егор вздрогнул от отвращения.

– Не хотела отвлекать тебя по пустякам, – она погладила своего монстра по изуродованной щеке.

Значит, для нее это пустяки... Ведьма!

– Надо было предупредить, – весело сказал монстр и швырнул тряпку, которой недавно вытирал руки, на диван. – Мне не хотелось бы шокировать твоих гостей.

Милославский брезгливо покосился на упавшую в угрожающей близости от него тряпку и вымученно улыбнулся:

– Признаться, я слегка выбит из колеи вашим э... несколько экстравагантным видом.

– Экстравагантным?! – Монстр рассмеялся, обнажая крепкие белые зубы. – Да вы настоящий дипломат. Обычно люди называют меня уродливым, но уж никак не экстравагантным. Ладно, не буду вас нервировать.

На мгновение он отвернулся, а когда снова взглянул на Милославского, тот едва не вскрикнул от неожиданности. Вместо уродливой маски на него смотрело нормальное человеческое лицо. Вернее, не совсем нормальное, даже совсем ненормальное. Высокие скулы, скорбно поджатые бескровные губы, черные провалы вместо глаз...

– Да не волнуйтесь вы так, – сказал монстр насмешливо. – Это всего лишь маска. У меня их тринадцать штук, на все случаи жизни. Не нравится? А хотите, примерю лицо Фредди Крюгера? Правда, оно не слишком сильно отличается от моего собственного...

Его уход больше походил на бесславное бегство, но оставаться под одной крышей с этими сумасшедшими не было никаких сил. Ведьма нашла себе достойную пару...

– Аристарх, – Ядвига с легким укором покачала головой, – ну зачем ты так?

– Он мне не нравится, мерзкий тип. – Аристарх снял маску, зашвырнул ее в дальний угол комнаты, опустился перед Ядвигой на колени, заглянул в глаза. – Я чудовище? – спросил весело.

– Ты чудовище, – сказала она и нежно погладила его по волосам.

– А ты красавица.

– Я красавица.

– И ты меня любишь – вот такого?

– Я люблю тебя вот такого.

Это была их игра. Этот диалог повторялся из дня в день. Они знали наизусть каждое слово.

– Ядвига, выходи за меня замуж. – Аристарх продолжал беспечно улыбаться, но в прозрачных глазах застыло напряженное ожидание.

Это было отступлением от правил. Этого не значилось в сценарии их жизни. Ядвига замерла.

– Я тебя люблю, – сказала тихо. – Я люблю тебя больше жизни, ты знаешь это. И пожалуйста, больше никогда не проси меня выйти за тебя замуж.

– Но почему? – В его голосе слышалось недоумение. – Я тебя люблю. Ты меня любишь. Нам хорошо вместе. Тебя волнует мнение окружающих? Плевать! Пусть весь мир катится к чертям! Или, может быть, у тебя где-то в шкафу припрятан старый, запывлившийся от бездействия муж? – Он потерся щекой о ее колени.

– Глупости! – Ядвига вымученно улыбнулась. – Мы с тобой вместе. Никто не может нам помешать. А штамп в паспорте, он ведь ничего не значит.

– Для меня значит, – упрямо возразил Аристарх, и ей очень не понравилось выражение его лица...

* * *

В жизни Ядвиги начался новый виток. Поль Жорден согласился помочь с организацией выставки в Париже. Сначала Аристарх, как она и предполагала, противился, но после беседы с Полем с глазу на глаз неожиданно решился. Ядвиге было любопытно, что именно сказал ему Поль, но спрашивать она не рискнула. Достаточно того, что Аристарх загорелся идеей персональной выставки.

Поль Жорден оказался более разговорчивым.

– Я думал, что мне предстоит заняться банальной благотворительностью. Я думал, окажу услугу милой Ядвиге, выставлю в своей галерее парочку картин художника-любителя, но когда я увидел эти картины!.. Ядвига, мне выпала честь явить миру гения! Ты понимаешь, что это значит?

– Известность? – предположила Ядвига.

– Не известность, а слава! – Поль мерил быстрыми шагами гостиничный номер. – Слава и деньги! Видит бог, очень большие деньги! Или я не Поль Жорден. – Он резко остановился, просительно посмотрел на Ядвигу. – Я тебя умоляю, проследи, чтобы он не продал ни одной своей картины здесь, в России. Особенно последние работы. Они бесподобны! Я смотрю на них, и у меня перехватывает дыхание. У меня, человека, повидавшего на своем веку тысячи полотен. Ядвига, он гений! А эта его inferнальная внешность! Все один к одному! Конечно, потребуются определенные финансовые вливания, реклама. Без рекламы сейчас никуда, даже в моем бизнесе. Подключим телевидение, газеты...

– Он не согласится, – возразила Ядвига.

– Он уже согласился! – Поль победно сверкнул очами. – Он будет Аристархом Безликим. Или Многоликим, я пока не решил окончательно. И эти его маски! Это же замечательный рекламный ход! Придумаем какую-нибудь романтическую историю, напечатаем несколько его фотографий до несчастного случая и ни одной – после. Он станет человеком-загадкой. Он будет пленять и интриговать...

– Как-то все это слишком... – Ядвига задумалась, подбирая нужное слово.

– Смело? Эпатажно? – уточнил Поль.

– Я несколько иначе себе все это представляла, не так масштабно.

– Ты уже ревнуешь? – Поль хитро сощурился. – Боишься, что у твоего Аристарха появятся поклонницы?

Она нетерпеливо взмахнула рукой, отменяя это абсурдное предположение.

– Я боюсь за него. Не уверена, нужна ли ему вся эта шумиха.

– А вот он уверен. Он очень целеустремленный молодой человек, и он далеко пойдет, если, конечно, будет прислушиваться к советам Поля Жордена.

– Советы не бесплатные, я полагаю. – Ядвига иронично выгнула бровь.

– В этом жестоком мире бесплатного сыра не осталось даже в мышеловке, – Поль виновато развел руками. – Но смею тебя заверить, внакладе от нашего сотрудничества никто не останется.

Это случилось ровно за сутки до их отлета в Париж. С самого утра Аристарх был необычайно возбужден. Ядвига думала, что это волнение из-за предстоящей поездки. Она упаковывала свои вещи, когда за спиной послышался шорох.

– Это ты? – спросила, не оборачиваясь.

– Это я. – Его голос звучал так странно, что она все-таки обернулась.

Аристарх стоял в дверном проеме, опершись плечом о косяк. Льющийся из-за спины солнечный свет делал его похожим на античного бога. Хотя бог вряд ли стал бы носить линялые джинсы. Сердце замерло от дурного предчувствия.

– Что-то случилось? – спросила она упавшим голосом.

– Случилось, – Аристарх переступил порог. – Ядвига, ты все еще меня любишь?

– Глупый вопрос. Ты же знаешь.

– Скажи!

– Да, я люблю тебя.

Он вздохнул с облегчением и улыбнулся:

– Знаешь, Поль купил у меня две картины.

– Старый лис, – проворчала Ядвига.

– Я хочу сделать тебе подарок, – Аристарх протянул ей черную коробочку.

В коробочке лежало золотое кольцо, подозрительно похожее на обручальное...

– Позволишь? – Аристарх осторожно надел кольцо на безымянный палец Ядвиги, заглянул ей в глаза и тихо сказал: – Я беру тебя в жены.

Она молчала. Ее хрупкое счастье только что разлетелось на мелкие кусочки...

Он воспринял ее молчание по-своему:

– Я знаю, что поступил не совсем... законно, но я абсолютно уверен, что сделал все правильно. Вот, смотри.

Из заднего кармана джинсов он достал два паспорта.

Ядвига заплакала. Она уже знала, что он хочет ей показать.

– Я понимаю, что штамп в паспорте – это не главное, но мне необходим этот штамп. Видишь, какое я чудовище?! Я опустил до того, что подкупил служащую загса. Я продал Полю одну из своих самых любимых работ, чтобы иметь возможность любоваться этим штампом. Ядвига, ты плачешь? Не плачь, не плачь, моя красавица. Не плачь, моя... жена. Теперь у нас все будет хорошо.

Она пыталась собрать воедино разлетающиеся осколки своей жизни. Она смотрела в кристально-прозрачные глаза Аристарха и видела в них конец всему...

Проклятье, страшное и необратимое, распахнуло над ними свои черные крылья.

Мужья Ядвиги Ясневской долго не живут. Из этого правила не бывает исключений...

– Ну скажи хоть что-нибудь, не молчи. – Аристарх прижал ее холодную ладонь к своей щеке.

Ядвига вытерла слезы, улыбнулась.

– Да, дорогой, теперь у нас все будет хорошо.

Ядвига посмотрела на дату, проставленную в паспорте. С этой черной даты она начала отсчет оставшихся им дней...

Надо собраться с силами. С гордо поднятой головой принять уготованное судьбой. Может, не все так страшно, может, у них с Аристархом еще есть шанс?

Обручальное кольцо непривычно холодило палец. Что это: вестник неумолимого рока или луч надежды? Подарок... как же давно ей не дарили подарков!

– Аристарх, – она всего на мгновение прижалась щекой к щеке своего теперь уже мужа, – я сейчас.

Это лежало на самом дне шкатулки с драгоценностями. Семейная реликвия, из поколения в поколение передающаяся в роду Ясневских от старшей женщины младшей. Только так и никак иначе – таково правило. Но к черту правила!

Серебряные, почерневшие от времени драконы чувствовали ее решимость. Тот, что побольше, смотрел на хозяйку с явным неодобрением, а тот, что поменьше, вообще не смотрел, обнимал когтистыми лапами серый с синими всполохами камень и, казалось, вздыхал. Браслет был старинный, если верить специалистам, с многовековой историей. А камень... что представлял собой оберегаемый драконами камень, не мог с уверенностью сказать ни один специалист. Семейная легенда гласила, что камень – это кусочек луны, потому и драконы назывались лунными. Раньше Ядвига не верила легендам, но сейчас Аристарху как никогда нужна защита. Лунные драконы станут для него свадебным подарком и оберегом.

Браслет тяжелый, как раз для мужской руки – не для женской. А драконы красивые, почти как живые. Или это из-за камня так кажется? Камень тоже почти живой, теплый на ощупь, совсем не лунный. Лунный должен быть холодным...

Наверное, камень оскорбило ее неверие, или не камень, а драконов. Браслет упал. Фамильная реликвия с глухим звоном стукнулась об пол, закатилась под кровать. Ядвига застонала: судьба не желала давать им с Аристархом еще один шанс, пыталась отнять даже такую малость, как свадебный подарок.

А она не сдастся! Ну и пусть браслет упал! Упал, а она поднимет! Ничего страшного.

Браслет не просто упал. Он сломался... Серебряные драконы осиротели, потеряли свой лунный камень. И Ядвига тоже потеряла, потому что искала и никак не могла найти. Закатился за плинтус? Упал в щель между половицами? Некогда проверять, да и незачем... Судьбу не обманешь...

Она плакала, размазывая по лицу слезы и остатки косметики. Лунные драконы лежали на кровати – горевали. Тот, который побольше, злился, а маленький пытался его утешить – так ей казалось.

– Что это? – На плечи легли горячие ладони. – Ядвига, какое чудо!

Они ему нравятся?... Нравятся драконы без камня?!

Аристарху не просто нравились драконы, Аристарх жаждал обладать ими едва ли не так же сильно, как жаждал обладать ею. Ядвига видела это в кристально-прозрачном взгляде мужа, слышала в его сбившемся вдруг дыхании.

– Они твои, любимый! – Она протянула ему браслет. – Это оберег, теперь с тобой не случится ничего плохого...

Как и предсказывал Поль, в Париже Аристарха ждал триумф. За месяц из никому не известного художника он превратился в мировую знаменитость. Рекламная кампания, развернутая в средствах массовой информации, начала приносить свои плоды еще задолго до открытия выставки. Тысячи парижан жаждали собственными глазами увидеть работы «этого загадочного русского». Еще столько же хотели увидеть его самого. Многоликий человек, человек в маске не оставлял равнодушным никого.

Пресса неистовствовала. После нескольких ангажированных Полем публикаций в крупнейших французских изданиях на Аристарха началась настоящая охота. Журналисты желали знать самые интимные подробности его жизни, пытались заглянуть под маску Многоликого человека.

Поль отреагировал мгновенно, переселив своего протеже в замок, неприступный, как Форт-Нокс, и окружив его стеной из телохранителей. Все это, разумеется, лишь подлило масла в костер человеческого любопытства и породило новую волну самых немыслимых слухов.

Помимо всего прочего, Поль позаботился о том, чтобы до открытия выставки экспозицию не увидела ни одна живая душа, за исключением нескольких самых известных искусствоведов. Остальной публике предлагалось судить о гениальности Аристарха Многоликого по нескольким фрагментам его работ, опубликованным в художественных журналах, да по хвалебным отзывам все тех же искусствоведов. Обыватели изнывали от ожидания, а критики в нетерпении потирали руки. Самонадеянных выскочек надо ставить на место. А этот Аристарх Многоликий, без сомнения, выскочка. Когда пробьет час, его не спасет даже покровительство всесильного Жордена.

Час пробил.

Работы Аристарха взорвали мир. Они восхищали, они вызывали отторжение, но они никого не оставляли равнодушными. К ним хотелось вернуться еще раз.

Это был триумф. Теперь уже никто, даже самые закоренелые пессимисты, не сомневался, что присутствуют при рождении сверхновой звезды. У Аристарха Лисовского, нет, теперь уже у Аристарха Многоликого, началась новая жизнь...

* * *

Ядвигу разбудил запах кофе. Не открывая глаз, она улыбнулась.

– Привет, гений.

– Привет, засоня.

Аристарх сидел на краю кровати. В руках у него был поднос с чашкой дымящегося кофе.

– Ты меня балуешь, – Ядвига зевнула, подкатилась под бок к мужу.

– Да, балую, – согласился тот и поставил поднос на кровать.

– Пахнет вкусно.

– Что именно: кофе или фиалки?

– И то, и другое. Спасибо, дорогой.

Это стало их ежедневным ритуалом – кофейно-цветочное утро.

«Моя жена должна встречать новый день с улыбкой», – сказал Аристарх, когда они только прилетели в Париж. С тех пор так и повелось: крепкий, смолянисто-черный кофе и цветок – иногда претенциозная орхидея, иногда простая ромашка – каждый день ждали пробуждения Ядвиги. Ее муж вел собственный отсчет – кофейно-цветочный. Без сегодняшних фиалок у Ядвиги было уже девяносто семь бережно засушенных цветков.

– Поль великий и всемогущий велит мне лететь в Японию. – Аристарх чмокнул Ядвигу в лоб после сна щеку. – Ты со мной?

– Конечно, я с тобой. – Она сделала глоток кофе, довольно зажмурилась.

– Честно говоря, эта бурная светская жизнь начинает меня раздражать. – Аристарх рассеянно повертел на запястье браслет. – Отвлекает от работы.

– Поль говорит, что без этого никак нельзя. – Ядвига поймала строгий взгляд одного из драконов и поежилась. Аристарх браслет не снимал никогда: ни днем, ни ночью. Она предлагала вставить другой камень, но муж отказался, и она не стала настаивать.

– Да уж, Полю виднее. Жаль только, что у меня нет двойника, который стоял бы у мольберта в то время, когда я занимаюсь всякой ерундой. Я художник, а Поль делает из меня человека мира. Можно подумать, ему мало того, что я многоликий.

– Мне всегда хотелось побывать в Японии, – задумчиво сказала Ядвига.

– Раз хотелось, значит, так и быть, летим. – Аристарх широко, по-мальчишески улыбнулся. – Там сейчас, кажется, как раз сезон цветения сакуры.

– Да, сакура, – она мечтательно прикрыла глаза.

Последнее время Ядвиге стало казаться, что судьбу можно обмануть. Ведь их брак почти фиктивный. Она же не давала на него своего согласия. Может быть, там, на небе, этот брак не зачтется...

Можно было разложить карты – посмотреть, что ждет их в будущем, но она не станет этого делать. Отчасти из-за страха перед еще не сбывшимся, отчасти из-за опасения спугнуть их хрупкое кофейно-цветочное счастье...

В Японию они так и не полетели. За неделю до вылета Аристарх вдруг почувствовал себя плохо. У него и раньше бывали головные боли. Он приписывал их бешеному ритму своей жизни, украдкой пил обезболивающее и ни о чем не рассказывал жене.

Аристарх терпел бы боль и дальше, если бы не приступы, во время которых ему казалось, что земля уходит из-под ног. В такие моменты он готов был бежать к врачу, но приступы проходили, и он утешал себя мыслью, что это в последний раз, что это всего лишь переутомление, что в обследовании нет необходимости.

Но приступы учащались, накатываясь на Аристарха удушающе-липкой волной, бороться с которой было бессмысленно. Оставалось ждать, когда все закончится, а после собирать себя по частям. Хорошо, что этого никто не видел. Хорошо, что этого не видела Ядвига.

Ядвига больше никогда не должна видеть его слабым и беспомощным. Ради нее он обязан держаться. И потом, может быть, все еще обойдется. После Японии он поговорит с Полем и возьмет небольшой тайм-аут.

...Это случилось ранним утром и нарушило их кофейно-цветочный ритуал. На мгновение мир показался Аристарху невыносимо ярким, радужно-переливчатым. Спящую Ядвигу окружала нежно-бирюзовая трепещущая аура. Лежащий на подносе тюльпан полыхал багрянцем.

Прежде чем отключиться, Аристарх еще успел поставить поднос с кофе на прикроватную тумбочку.

...Сознание возвращалось медленно, с неохотой. Во рту ощущался противный металлический привкус, голова болела невыносимо. С трудом он открыл глаза. Из серого тумана выплыло лицо Ядвиги.

– Привет, – улыбаться и одновременно бороться с тошнотой было нелегко. – Я грохнулся в обморок, да?

Она выглядела плохо, едва ли не хуже него самого. Бледные пергаментные щеки, синева под глазами, бескровные губы. Впервые он увидел ее настоящий возраст.

– Ядвига, – ему не понравилось, как звучит его собственный голос. – Что случилось? Я тебя напугал?

Она тоже попыталась улыбнуться, одними губами.

– Как ты себя чувствуешь? – прохладная рука легла на лоб.

– Уже намного лучше. – Аристарх попробовал сесть.

– Лежи, я вызову врача.

– Зачем? – Ему вдруг стало страшно. – Это ведь банальный обморок. Ты сама говорила, что я много работаю.

– Это был не обморок, – она все еще улыбалась. Его даже немного обидела эта ее улыбка. А потом он понял, что она улыбается, чтобы не заплакать...

– А что же это было?

– У тебя случился приступ. – Улыбка поблекла, но не исчезла.

– Приступ? Какой еще приступ? Что-то вроде приступа эпилепсии?

Ядвига беспомощно пожала плечами:

– Я не знаю, милый. Лучше нам дождаться врача.

Врач приехал через полчаса. Вслед за ним примчался Поль.

Осмотр длился очень долго. Во всяком случае, так показалось Аристарху. Доктор выставил Поля за дверь. Ядвиге разрешил остаться лишь в качестве переводчика, Аристарх еще недостаточно хорошо знал французский.

Он лежал на кровати и отвечал на нескончаемые вопросы. Как-то так получилось, что врач вытянул из него все: и про головные боли, и про головокружения, и про «проваливания». Особенно его заинтересовали ауры, появившиеся перед приступом.

Через час после осмотра Аристарха госпитализировали в неврологическую клинику. Через двое суток бесконечных анализов и обследований ему выставили диагноз – опухоль головного мозга. Неоперабельная опухоль...

Тогда Аристарх еще не понимал, что означает неоперабельная. За время, проведенное в клинике, у него не случилось ни одного приступа, ни одного «проваливания», у него даже голова не болела. Он чувствовал себя абсолютно здоровым и жаждал поскорее вырваться на волю, добраться до мастерской. Мир изменился. Или это его видение мира изменилось? Все вокруг казалось неопишимо ярким и живым. Он во что бы то ни стало должен перенести это чудо на холст.

А опухоль? Подумаешь, опухоль! Профессор сказал, что она не злокачественная, значит, и волноваться не о чем. Его вылечат, современная медицина творит чудеса.

Внезапное решение Ядвиги лететь в Москву он воспринял в штыки. Вдруг это чудесное ощущение легкости, эта необычайная ясность видения исчезнут под хмурым российским небом? Нет. Он не может так рисковать!

Ядвига улетела одна. Впервые с момента их встречи они расстались...

– Марат, ты должен ему помочь! – Ядвига застыла у распахнутого настежь окна.

Если бы не пронзительно яркие, влажные от невыплаканных слез глаза, она была бы похожа на статую.

Ильинский поехал – от окна тянуло сыростью, – отложил в сторону привезенные Ядвигой результаты обследования, снял очки и устало потер переносицу.

Диагноз французских коллег не оставлял сомнений. У парня неоперабельная опухоль головного мозга, возможно, спровоцированная той злополучной черепно-мозговой травмой. Эффективного лечения таких опухолей не существует. Слишком плохая локализация. Можно, конечно, кое-что предпринять, но это лишь немного отсрочит конец. Он знал это наверняка, но он не представлял, как сказать об этом Ядвиге...

– Ядя, я не Господь Бог, – проворчал он сердито. Он всегда сердился, когда приходилось расписываться в своей беспомощности.

– Ты должен ему помочь, – упрямо повторила она. – Я знаю, ты сможешь.

– Ну что за женщина! – Ильинский в сердцах стукнул кулаком по столу, аккуратно сложенные бумаги слетели на пол. – Единственное, что я могу тебе обещать, это что я полечу с тобой в Париж и сам лично осмотрю твоего... мужа.

– Он говорит, что чувствует себя превосходно. – Ядвига всхлипнула. – Он говорит, что мир стал лучше...

Ильинский выбрался из-за стола, подошел к ней, осторожно обнял за плечи. Он хотел сказать, что человеческий мозг – штука тонкая, до конца не изученная, что изменившееся мировосприятие Аристарха может свидетельствовать не об улучшении, а о прогрессировании болезни, но вместо этого произнес:

– Мне понадобится два дня, чтобы уладить все дела. Ты подождешь меня?

– Нет, я улетаю сегодня вечером. Через два дня я тебя встречу. – Ядвига потеряла покрасневшие глаза.

– Хорошо, я сообщу тебе номер рейса.

Они попрощались холодно, как едва знакомые люди. Она мыслями была уже в Париже со своим несчастным мальчишкой. Он сражался с поднимающимися в душе обидой и ревностью.

Он завидовал этому обреченному на скорую и мучительную смерть парню. Если бы Ядвига любила его самого так же неистово, он бы с радостью поменялся с соперником местами. Но Ядвига его не любила. Оставалось утешаться тем, что она в нем нуждается...

Четыре месяца...

Это был смертный приговор с отсрочкой в четыре месяца. Или, если повезет, в пять-шесть месяцев. Ильинский не смог им ничем помочь, он лишь очертил временные рамки. Эти рамки изменили жизнь Ядвиги, положили конец ее цветочно-кофейному счастью.

Аристарх прожил год, восемь месяцев и пять дней.

Он так неистово боролся за каждый день жизни, что смерть сделала ему одолжение.

Он сильно похудел. Его мучили боли, головокружения, галлюцинации и припадки. Другой не стал бы цепляться за такую жизнь. Для другого смерть казалась бы избавлением, а он продолжал жить. Он поделил оставшееся ему время на две части. Одна часть принадлежала работе, вторая – Ядвиге.

– Я хочу, чтобы после меня осталась память – мои картины. А еще я хочу сделать тебе подарок.

Ядвига никогда раньше не позировала мужу – боялась увидеть свое постаревшее лицо его глазами, – а сейчас согласилась. Это давало ей возможность проводить с ним больше времени.

Он назвал картину «Черный ангел». Ядвига не видела и не хотела видеть, какая она там, на холсте. Она часами неподвижно сидела на неудобном стуле с высокой спинкой. Аристарх говорил, что она идеальная натурщица. Она не возражала, только бы он писал своего «Черного ангела» как можно дольше...

В день, когда картина была закончена, Аристарх умер. Поставил свою подпись, смешную, размашистую закорючку в углу холста, поцеловал Ядвигу и медленно осел на пол. Он смотрел на жену застывшим кристально-прозрачным взглядом и улыбался. Он казался абсолютно счастливым. Ядвига не смогла заплакать.

...Она подошла к картине только на сороковой день, задыхаясь от боли, прижимая к груди своих единственных утешителей – лунных драконов. Чтобы снять покрывало с холста, ей понадобилось несколько часов.

Черный ангел смотрел на нее пронзительно-синими глазами и загадочно улыбался. Его трепещущие крылья были не черными, а пепельно-золотистыми.

На портрете она была молодой...

Ядвига смотрела в глаза Черному ангелу целую вечность, а потом заплакала. Впервые после смерти Аристарха...

* * *

Поразительно, как быстро ветшает жилище, когда его покидает хозяин. Ядвига не жила в своем доме чуть больше двух лет, а он уже выглядит больным и заброшенным. Даже кусты сирени цветут не так буйно, как раньше. Полина в нерешительности замерла посреди подъездной дорожки.

Ядвига вернулась из Франции месяц назад. Все знали – она похоронила своего молодого мужа, и теперь ее сердце разбито. Семья поспешила ее утешить, ведь никто не должен оставаться в такие скорбные минуты один. Ядвига выставила всех утешителей вон, в который раз наплевав на семью и устои. Ядвига больше никого не хотела видеть.

Борясь с неловкостью и нерешительностью, Полина поднялась по каменным ступенькам и нажала на кнопку звонка. Может быть, и ее Ядвига выставит за дверь. Когда у тебя горе, ты имеешь право на одиночество. Полина, несмотря на свою молодость, понимала это гораздо лучше остальных родственников. Когда погиб папа, ей никого не хотелось видеть, даже маму.

Сегодня у нее было лишь одно оправдание. Она пришла не для того, чтобы утешать. Она сама нуждалась в утешении, и только Ядвига могла ее понять.

Две недели назад отчим снова заговорил о замужестве. Полина попыталась отмахнуться от этой бредовой идеи, как отмахнулась от нее два года назад, но на сей раз ей это не удалось. Если раньше разглагольствования отчима носили рекомендательный характер, то теперь они приобрели приказной оттенок.

За годы жизни под одной крышей с Егором Милославским Полина научилась хорошо разбираться в нюансах. Мягкому голосу и ласковой улыбке не сбить ее с толку. Отчим принял окончательное решение, и теперь его ничто не остановит. Полина должна подчиниться интересам семьи и выйти замуж за Вальдемара Вольского. И неважно, что Вальдемар – мерзкий, самовлюбленный тип, что у Полины лишь от одного его сального взгляда начинается головная боль. Он, бесспорно, очень красив, но даже эта его красота какая-то порочная, с червоточинкой, как сказала бы Ядвига. Он дамский угодник, светский, обаятельный, милый, но это лишь вершина айсберга. Полина чувствовала: чтобы добиться своей цели, Вальдемар пойдет по костям. На данный момент она, Полина Ясневская, была целью, но где гарантия, что она не станет прахом под ногами Вальдемара, когда он наметит новую цель? Нет, такая жизнь ей не по душе!

Примерно это она и сказала родителям. Мама ахнула, схватилась за сердце. Отчим молчал, буравил Полину тяжелым взглядом. Он даже улыбаться не перестал, дождался, когда мама выйдет из комнаты за сердечными каплями, и быстро, в два прыжка, оказался рядом с Полиной. От него пахло дорогим одеколоном и чистейшей, выкристаллизованной яростью. Когда твердые пальцы больно сжали руку Полины, она отчетливо поняла: отчим и Вальдемар Вольский – люди одной породы. Отчим, несмотря на свою кажущуюся рафинированность и утонченность, так же легко и изящно пойдет по костям и, возможно, даже получит от этого удовольствие.

– Ты, маленькая дрянь! Мне надоело с тобой возиться! – отчим продолжал улыбаться, а в его глазах плескалось тихое бешенство. – Или ты сделаешь, как я велю, и выйдешь замуж за Вольского...

– Или? – Полина с вызовом вздернула подбородок.

– Или я сотру тебя в порошок. – Тон, которым это было сказано, не оставлял сомнений, что она не ошиблась с классификацией.

– Ты мне угрожаешь? – спросила она, борясь с подступающей к горлу тошнотой.

– Я предлагаю тебе выбор.

Да, выбор был очевиден: либо сытая, комфортная жизнь рядом с Вальдемаром, либо... Собственно говоря, Полина еще не до конца поняла, какая у нее есть альтернатива. Ей был нужен совет, и как можно быстрее...

Дверь слегка приоткрылась, и под ноги Полине выкатился пушистый клубок. Он врезался в носки ее туфель и радостно взвизгнул. Полина тоже взвизгнула, скорее от неожиданности, чем от испуга. Она подхватила пушистое нечто на руки, поднесла к лицу. При ближайшем рассмотрении нечто оказалось щенком далматинца.

– Ой! – сказала Полина, глядя в хитрые щенячьи глазки.

Щенок извернулся и лизнул ее в нос.

– Ой! – повторила она и улыбнулась. – Ты кто?

– ...Это Джаспер, – в дверях, скрестив руки на груди, стояла Ядвига.

Она изменилась. Нет, она по-прежнему выглядела великолепно, и совершенно седые волосы, как ни странно, не портили впечатления. Даже наоборот, придавали ее облику завершенность. Дело было не в седине и не в ставших чуть более заметными морщинках. Изменились глаза. Они словно выцвели: из ярко-синих стали тускло-голубыми, в них больше не плясали с детства знакомые Полине искры.

– Привет. – Она прижала барахтающегося щенка к груди и неуверенно улыбнулась.

– Привет. – Ядвига едва заметно улыбнулась в ответ. – Ты так и будешь стоять на крыльце или все-таки зайдешь внутрь?

– Я? Ну, конечно... – Полина погладила нетерпеливо поскуливающего щенка. – Я просто немного растерялась, не ожидала увидеть такое чудо.

– Это подарок моего мужа, – по лицу Ядвиги пробежала тень. – Отпусти его, Поля. У него слишком много энергии, чтобы сидеть на одном месте. Пойдем, я сварю тебе кофе.

Они сидели в залитой солнцем гостиной. Полина уже выпила две чашки кофе и съела четверть коробки шоколадных конфет, но все еще не решалась рассказать о цели своего визита. Они вели светскую, ни к чему не обязывающую беседу. Существовавшая между ними раньше близость казалась безвозвратно утерянной. От осознания этой безвозвратности Полина чувствовала почти физическую боль. Эта, другая Ядвига, с седыми волосами и выцветшими, словно застиранный ситец, глазами, была совсем чужой. Зря она надеялась получить здесь утешение.

– Что у тебя случилось, Поля? – спросила вдруг Ядвига.

Полина запнулась на полуслове, растерянно заморгала.

– Ты же пришла ко мне не за тем, чтобы поговорить о погоде? – Ядвига набивала трубку и на Полину не смотрела, но та чувствовала, что лед отчуждения тает. От облегчения она чуть не расплакалась. – Ну, рассказывай, что у тебя стряслось. – Ядвига закурила. – И не смей плакать! Женщины рода Ясневских никогда не плачут. – Ее голос дрогнул, несколько минут она о чем-то думала, а потом сказала, уже совершенно другим тоном: – Впрочем, если хочешь, можешь поплакать.

Полина благодарно улыбнулась. Плакать расхотелось.

– У меня безвыходная ситуация, – сказала она.

Ядвига иронично усмехнулась:

– Безвыходных ситуаций не бывает. Из любой ситуации есть выход. Вопрос лишь в том, устраивает тебя этот выход или нет. Рассказывай!

Изложение проблемы заняло совсем немного времени. Даже третья чашка кофе не успела остыть. Ядвига слушала молча. Полина давно закончила, а тетя продолжала молчать. Наверное, думала о чем-то своем. Полине стало неловко, ее глупые, детские проблемы – ничто по сравнению с тем горем, которое пережила Ядвига.

– Хочешь стать независимой? – Тетя постучала длинными пальцами по подлокотнику кресла.

– Хочу.

– А платить за независимость ты готова?

– Не знаю.

– Придешь ко мне, когда будешь точно знать, чего хочешь, – в голосе Ядвиги зазвенела сталь.

– Нет, я знаю! – Полина решительно вздернула подбородок. – Я согласна платить.

Ядвига удовлетворительно кивнула.

– Тебе придется уехать, – сказала голосом, не терпящим возражений.

– Надолго?

– Не знаю. Возможно, навсегда. – Ядвига устало прикрыла глаза. – Ты готова?

Полина задумалась, очень серьезно задумалась. Уехать из Москвы – значит поставить крест на аспирантуре, на дальнейшей карьере. Сможет ли она, москвичка до кончиков ногтей, выжить вне столицы? Перед внутренним взором появилось победно улыбающееся лицо отчима, и Полина приняла решение.

– Я готова.

Ядвига рассеянно погладила забравшегося к ней на колени Джаспера и наконец заговорила:

– До получения диплома поживешь у меня. Я улажу этот вопрос с твоей неразумной матерью. У меня остались кое-какие связи в Министерстве образования, так что подыскать тебе работу в каком-нибудь областном центре будет несложно. Поля, ты хоть понимаешь, что тебя ждет?

– Нет, – искренне ответила Полина.

* * *

– Моя школа самая лучшая в городе. У меня великолепный педагогический коллектив. Сорок процентов учителей имеют высшую категорию. Мои выпускники поступают в самые престижные вузы страны. Надеюсь, вы, Полина Мстиславовна, понимаете, как вам повезло? – Директриса, болезненно худая дама за сорок, одетая в уродливый, давно вышедший из моды костюм, поджала тонкие губы и осуждающе посмотрела на Полину.

– Я все понимаю, Белла Кононовна, – Полина вежливо улыбнулась. – Постараюсь оправдать ваши надежды.

– А я на вас, Полина Мстиславовна, пока никаких надежд не возлагала. Признаюсь честно, вы свалились мне, как снег на голову. А я противница какого бы то ни было протекционизма, – директриса холодно улыбнулась. – То, что вы с отличием закончили МГУ, для меня ровным счетом ничего не значит.

В ее тоне отчетливо слышалось: «Знаю я вас, залетных столичных штучек. И про дипломы ваши красные мне все известно». Полина подобралась. Эта вялая вобла невзлюбила ее сразу, с первой секунды. Как только увидела ее диплом, как только унюхала ее французские духи...

Она, заслуженный учитель, профессионал экстра-класса, вынуждена носить дореволюционный костюм и пользоваться духами производства фабрики «Свобода», в то время как какая-то молоденькая столичная вертихвостка может позволить себе платье, купленное отнюдь не в районном универмаге, и парфюм от Диора... Откуда такая несправедливость?! Откуда у вчерашней студентки деньги на всю эту роскошь? Небось богатенькие родители купили. Или, не приведи Господь, любовник... И красный диплом, скорее всего, тоже куплен. Ну ничего, здесь не Москва! Здесь нет ни папочки, ни мамочки. И состоятельного любовника тоже нет. Здесь она, Белла Кононовна Цигаль, единовластная царица. И уж она найдет способ сбить спесь с этой молодой выскочки.

Эх, нужно было одеться попроще, и ногти не красить, и духами не пользоваться, но кто же мог предвидеть, что ей предстоит встреча с такой мымрой? А теперь, к сожалению, первое впечатление – самое важное, между прочим, – безнадежно испорчено, и в будущем лояльного отношения от начальницы ждать не приходится. Белла Кононовна уже составила о ней мнение и внесла ее в свой черный список. В том, что у такой нетерпимой дамы есть черный список, Полина не сомневалась ни секунды.

Настроение, еще пару часов назад такое радужное, безнадежно испортилось. Ну что теперь делать?! Объяснять этой мымре, что диплом не купленный, а самый что ни на есть настоящий? Что платье не из «Дома моды», а сшито модисткой тети Насти, маминой кузины, по выкройке, взятой из французского модного журнала? Что духи подарила ей Ядвига, у которой духов этих целый склад? Бесполезно! Не тот Белла Кононовна человек. Полина, хоть и была еще совсем молодой, в людях разбираться умела. Во всяком случае, так считала Ядвига. А у Ядвиги имелся богатый жизненный опыт.

– Вот, ознакомьтесь с уставом школы, – на колени к задумавшейся Полине упала потрепанная картонная папка.

Она вздрогнула от неожиданности, едва не уронила папку на пол. Директриса недовольно поджала тонкие губы, а Полина укорила себя еще за один промах: непозволительно слушать начальство вполуха. Стараясь, чтобы дрожь в пальцах была не слишком заметна, она раскрыла папку.

– Позже, – сухо сказала Белла Кононовна. – Устав вы можете прочитать дома, а не тратить на это свое и мое время. Сейчас я представляю вас коллективу, – директриса поправила очки, добавила раздраженно: – Ну, пойдете же!

Полина покорно встала.

– И вот еще что, Полина Мстиславовна! Школа, как вы, я надеюсь, догадываетесь, – это учебное заведение, и такой внешний вид, – Белла Кононовна смерила ее неодобрительным взглядом, – для преподавателя совершенно недопустим. Носить короткие юбки и вызывающе краситься вы можете в свободное от работы время, а на рабочем месте попрошу соответствовать. Мы с вами хорошо друг друга понимаем?

Полина молча кивнула. У нее не нашлось слов, чтобы достойно ответить на эту откровенную клевету. Ее платье было длиной до колена, а косметикой она вообще никогда не злоупотребляла. Да, похоже, на первом в жизни рабочем месте ее ждут нелегкие испытания.

Знакомство Полины с педагогическим коллективом прошло скомканно. Белла Кононовна вошла в учительскую и, не глядя на новую сотрудницу, сухо сказала:

– Это Полина Мстиславовна Ясневская. Она заменит Анну Тихоновну.

И все! Никаких «познакомьтесь» и «прошу любить и жаловать». Полина еще растерянно хлопала ресницами, а директриса уже вышла из учительской, оставив ее наедине с новыми коллегами.

В комнате повисло неловкое молчание. Десять пар глаз уставились Полину с нескрываемым интересом. Под этими взглядами она чувствовала себя инопланетянкой. Может, с ней действительно что-то не так? Может, тушь потекла или колготки дали стрелку?

– Откуда к нам такая мамзель? – послышался насмешливый голос.

Полина вздрогнула, растерянно посмотрела на развалившегося в кресле молодого мужчину. Судя по спортивному костюму и болтающемуся на бычьей шее свистку, тип был учителем физкультуры. Он поигрывал накачанными мускулами и улыбался наглой, самоуверенной улыбкой.

– Валерочка, ну разве так можно? Вы же смущаете Полину Мстиславовну! Милочка, не обращайтесь на него внимания, – к Полине подошла невысокая пожилая дама с круглым добродушным лицом. – Я Генриетта Сергеевна, завуч старших классов. Сейчас я скоренько познакомлю вас с присутствующими, а потом мы с вами уединимся для дополнительного, так сказать, инструктажа.

Полина облегченно улыбнулась. Наверное, так чувствует себя утопающий, которому в самый последний момент бросили спасательный круг.

Запомнить всех сразу она не смогла. В памяти осталось лишь несколько самых колоритных персонажей.

Физрук Валерочка, который официально именовался Валерием Петровичем Стешко, с ленивой грацией поднялся из своего кресла, перехватил протянутую для рукопожатия руку Полины, поднес к губам:

– Рад познакомиться, коллега.

Несмотря на кажущуюся нейтральность, фраза прозвучала двусмысленно. Прикосновение влажных губ было неприятно. Наверное, Полина слишком поспешно выдернула руку из цепких пальцев Валерочки, потому что лениво-заинтересованный взгляд физрука сделался насмешливым.

«Плевать», – подумала она, вежливо улыбаясь седовласому поджарому мужчине в джинсах и тенниске.

– Звонарев Виктор Павлович, майор в отставке, – по-военному коротко отрекомендовался тот.

– Очень приятно, – Полина едва заметно поморщилась от чересчур сильного рукопожатия. Похоже, майор в отставке не привык делать поблажек слабому полу.

– Виктор Павлович преподает начальную военную подготовку в старших классах, – любезно пояснила Генриетта Сергеевна.

– Послушайтесь моего совета, Полина Мстиславовна, – сухо улыбнулся майор, – не позволяйте этим оболтусам садиться вам на шею. С первой же минуты покажите им, кто хозяин ситуации.

– Я постараюсь, – пообещала она.

– Виктор Павлович у нас поборник казарменной дисциплины, – послышался звонкий девичий голос. – Его бы воля – вся школа ходила бы строем.

– В наше время без жесткой дисциплины никак нельзя, Светлана Ивановна, – с невозмутимым видом парировал тот. – А вот ваш либерализм ни к чему хорошему не приведет, вот попомните мое слово.

Полина перевела взгляд на оппонентку Виктора Павловича. Высокая шатенка в обтягивающем пышную грудь свитерке и узких брюках весело смотрела на присутствующих густо накрашенными зелеными глазами. Похоже, запрет на легкомысленную одежду и макияж касался не всех.

– Привет! – Шатенка взмахнула рукой, на длинных ногтях блеснул ярко-красный лак.

– Привет! – Полина еще не определилась, нравится ей эта либеральная девица или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.